

Приложения

- 1. Анархический террор во время Гражданской войны
- 2. Испанские анархисты и международное движение в годы Гражданской войны
- 3. Известные испанские анархисты периода Гражданской войны
- Источники и литература
- Указатель политических и профессиональных организаций

1. Анархический террор во время Гражданской войны

Обычная карикатура на анархиста – бородатый человек с бомбой в одной руке и винтовкой в другой. В воображении публики слово «анархист» больше столетия было почти синонимично слову «террорист».

Даже серьёзные исследователи часто были склонны подчёркивать склонность анархизма к насилию и террору. Так, покойная Барбара Такман в своей книге «Башня гордыни» начинает 50-страничную главу о европейских анархистах перед Первой мировой войной с фразы: «Картина безгосударственного общества, без правительства, без закона, без владения собственностью, где, как только прогнившие учреждения будут сметены, человек получит свободу быть добродетельным, каким и замышлял его Господь, оказалась настолько чарующей, что во имя этой цели шесть глав государств были убиты за двадцать лет, предшествовавших 1914 г.»¹. Глава посвящена преимущественно актам насилия анархистов и ответным актам насилия против них.

Я надеюсь, настоящая книга доказывает, что это не является корректной характеристикой испанских анархистов. Тем не менее остаётся вопрос о том, в какой степени испанский анархизм – помимо того, что он был движением, стремившимся к глубоким социальным, экономическим и политическим преобразованиям, – применял террористические методы, в особенности в период Гражданской войны.

Традиции насилия в испанском анархизме

Не может быть сомнений в том, что в испанском анархическом движении существовала традиция насильственных действий и даже терроризма. По-видимому, она имеет два источника происхождения: один – в самой Испании, другой – в международном анархическом движении, возникшем во второй половине XIX века.

Франц Боркенау во время Гражданской войны высказывал следующее мнение:

“ «Восстание андалусского крепостного в восемнадцатом столетии приняло форму широкого и неискоренимого бандитизма, который привлекал самые

активные элементы крестьянства и был в глазах масс не преступным, а напротив, завидным, почётным и даже вызывающим восхищение делом... В Испании эти элементы встречают не больше осуждения – которому они подверглись бы в странах, цивилизованных в западном понимании, – чем революционные банды в Китае или царской России. В представлении первобытного крестьянства существует глубокое различие между человеком, который преступными действиями нарушает солидарность самой крестьянской общины, и человеком, который, с помощью разбоя и убийства отстаивая собственные права перед богатыми и могущественными, помогает общему делу угнетённых. Первого, вора или душегуба, обокравшего или убившего крестьянина, без колебаний выдали бы полиции, или с ним расправились бы те, кто понёс из-за него потерю. Второго будут защищать бедняки по всей округе»².

Однако был и другой аспект исторической традиции насилия в испанском анархическом движении. Это была идея «пропаганды действием», принятая в последние десятилетия XIX века частью международного анархизма. Она заключалась в том, что можно способствовать приближению революции, совершая вооружённые нападения на ключевые институты капиталистической системы, такие как банки, и устраняя важнейших представителей существующего режима.

Использование насилия и, в частности, террора было предметом частых споров между лидерами международного анархизма в течение пятидесяти лет, предшествовавших Гражданской войне в Испании. Одно из рассуждений по этому вопросу принадлежит итальянскому анархисту Луиджи Фаббри, писавшему в начале столетия. Его идеи представляли собой точку зрения значительной части анархических лидеров в разных странах:

“ «Можем ли мы заключить, что анархисты всегда неодобрительно относятся к насилию, если речь идёт не о защите, а об индивидуальном или коллективном нападении, единичном и случайном? Вовсе нет, и любой, кто захочет приписать нам подобную нелепую идею, будет глупцом и злоумышленником. Но также глупцом и злоумышленником будет тот, кто, с другой стороны, захочет утверждать, что мы выступаем за насилие всегда и невзирая на потери. Насилие, хотя оно само по себе находится в противоречии с анархической философией, поскольку всегда подразумевает боль и слёзы и так или иначе вызывает у нас печаль, может быть вызвано необходимостью, но если было бы непростительной слабостью осуждать его, когда оно необходимо, то его применение также было бы гнусным, когда оно неразумно, бесполезно или осуществляется способом, который противоречит предлагаемому нами».

Далее Фаббри указывал границы использования террористических методов:

“ «...В России все нападения на правительство и его представителей и приверженцев оправдываются даже нашими противниками или самыми умеренными сторонниками, даже когда от них временами страдают невинные люди; но, без сомнения, те же самые революционеры не одобрили бы нападений, если бы они были совершены вслепую на людей, проходящих по улице или безобидно сидящих в кафе или театре»³.

Использование террора имело своих сторонников и в анархическом движении Испании. Вероятно, наиболее известной группой, применявшей эту тактику в 1920-е гг., были «Мы» (первоначально известные как «Солидарные»), куда входили такие видные фигуры, как Буэнавентура Дуррути, Хуан Гарсия Оливер, Рикардо Санс, Франсиско и Доминго Аскасо, Грегорио Ховер, Мигель Гарсия Виванкос и Аурелио Эрнандес. Большинство из них впоследствии стали ведущими анархическими деятелями времён Гражданской войны.

В 20-е гг. группа «Мы» совершила несколько громких террористических актов. Одним из них было ограбление Банка Бильбао с целью получить средства для анархического подполья, совершённое Дуррути и Ховером. Другим было убийство Хуана Сольдевиллы, кардинала-архиепископа Сарагосы.

Одним из самых значительных террористических действий испанских анархистов стало убийство премьер-министра Эдуардо Дато в апреле 1922 г. Дато был особенно ярким сторонником подавления анархического рабочего движения, НКТ.

Мотивы этих анархических элементов были определённы «политическими», а не личными. Когда они убивали полицейского или высокопоставленного правительственного или церковного сановника, это совершалось не ради личной мести, а скорее в качестве «урока» для тех лиц, которые, как считалось, с особенной жестокостью эксплуатировали трудящихся. Когда они грабили банк, они делали это не для себя, а для движения. Один испанский очевидец, долгое время знавший барселонских анархистов, включая людей, которые участвовали в такого рода мероприятиях, и не одобрявший их действий, говорил мне, что люди, укравшие полмиллиона песет из банка, продолжали жить скромно и очень бедно в своих рабочих районах⁴.

С падением монархии и установлением Второй Испанской республики крайние анархические элементы, в предыдущий период практиковавшие политические убийства и ограбления банков, перешли к другим методам работы. В первые годы Второй республики анархисты подняли несколько восстаний под лозунгом либертарного коммунизма в различных районах страны, особенно в Каталонии. Они больше не использовали тактику «пропаганды действием» как средство подрыва существующего режима.

В любом случае, те участники испанского анархического и анархо-синдикалистского движения, которые, даже в разгар подобной активности, занимались планированием и

совершением ограблений, убийств и тому подобных предприятий, находились в незначительном меньшинстве, хотя это меньшинство включало многих наиболее выдающихся предводителей движения. Число практиковавших «пропаганду действием», вероятно, никогда не превышало нескольких сотен человек.

Значительное большинство либертариев в Каталонии, Леванте, Мадриде и Астурии были рабочими, которым часто приходилось вести упорную борьбу за улучшение своих условий труда и жизни. Их вдохновляла идея революции, которая привела бы их к обществу без репрессивных учреждений государства, без правящего класса, обществу, где сотрудничество заменит принуждение. Конечно, для анархистов такое новое общество выглядело гораздо более достижимым, чем те социальные изменения, которые предсказывались по преимуществу реформистскими социалистами.

В тех регионах Испании, где основные силы либертариев находились на селе, а не в больших и малых городах, включая Андалусию, Эстремадуру и часть Арагона, положение было несколько иным. Жестоко эксплуатируемые и живущие в нищете крестьяне и батраки, как и их городские собратья, вели непрекращающуюся борьбу против своих эксплуататоров, ростовщиков и местных политических заправил – касиков. Они, разумеется, не были предрасположены к насилию при любой возможности, но они допускали и время от времени практиковали один вид насилия – захват земли и деревень. Хотя эти выступления почти наверняка сопровождались бы – и в действительности так и происходило – убийством помещиков и их приспешников, они не были, в отличие от случаев «пропаганды действием», акциями, тщательно спланированными, чтобы побудить трудящихся к сопротивлению или восстанию. Они носили случайный характер, и основной их целью было получение контроля над своей жизненной средой.

Даже внутри групп единомышленников «чистые» анархисты, верившие в «пропаганду действием» и практиковавшие её, были в незначительном меньшинстве. Этот факт признавал даже Хесус Эрнандес, который, ещё будучи лидером Коммунистической партии, написал яростно полемическую книгу об анархистах:

“В этих группах можно было встретить кого угодно от динамитчиков до гандистов, включая нудистов, вегетарианцев, индивидуалистов, “коммунистов”, синдикалистов, антисиндикалистов, перипатетиков, ортодоксов, либертариев, коллаборационистов и прочих»⁵.

И конечно, вовсе не врождённая склонность анархистов к применению силы, террору и даже убийству объясняет то ужасное кровопролитие, которое происходило в тылу во время Гражданской войны в Испании.

Характер насилия и террора в республиканской и мятежной зонах

Нельзя отрицать, что наблюдалось огромное количество поджогов, убийств и других видов террористических действий с обеих сторон, особенно в первые месяцы Гражданской войны. Тем не менее существовало качественное различие между террором в республиканской зоне и в тех частях Испании, которые удерживались мятежниками.

На республиканской стороне (за исключением провинции Бискайя) в первые недели войны наблюдалось почти полное отсутствие государственной власти. По сути исчезла и армия; регулярные полицейские силы исчезли или были деморализованы и практически полностью утратили свой авторитет.

Напротив, на стороне мятежников армия не понесла ущерба и сохраняла контроль над ситуацией, усиленная военизированными формированиями Фаланги и карлистов, которые либо были включены в неё, либо действовали под её общим командованием. Почти во всех районах, контролируемых мятежниками, Гражданская и даже Штурмовая гвардия также сохранила свой личный состав и полномочия.

Различие ситуации в этих двух частях Испании привело к тому, что характер террора в них был разным. На республиканской стороне он был стихийным и вёлся в индивидуальном порядке, а не по приказу сверху. Напротив, на стороне мятежников насилие и террор действительно были организованы сверху и отражали сознательную политику тех, кто находился у власти.

Эту разницу засвидетельствовал Франсиско Порталеа, который в начале войны был прокурором Высшего суда Мадрида. Он был уволен правительством по подозрению в нелояльности и с помощью министра юстиции бежал во Францию, откуда через Гибралтар прибыл на территорию мятежников. Он провёл оставшуюся часть войны во владениях Франко. Порталеа рассказывал Рональду Фрейзеру:

“ «Позвольте мне говорить об этом откровенно. Я имел возможность видеть репрессии, которые проводились в обеих зонах. В националистической зоне они были спланированными, методичными, холодными. Власти не доверяли людям и навязывали свою волю через террор. Для этого они совершали злодеяния. В зоне Народного фронта также совершались злодеяния. В этом было сходство между ними; но различие заключалось в том, что в республиканской зоне преступления совершались возбуждёнными людьми, а не властями. Последние всегда пытались предотвратить преступления; мой случай, когда мне помогли бежать, является лишь одним из многих. В националистической зоне было не так. Здесь расстреляли больше людей, и расстрелы были научно

организованы»6.

Франк Еллинек пересказывает «специальные инструкции», которые мятежные офицеры получили от генерала Кейпо де Льяно:

“ «Главным фактором победы, говорили эти инструкции, является подрыв морали врага. Чтобы добиться этого, при занятии города следует первым делом казнить всех людей, пользующихся известностью, которых смогли найти, или, если они успели бежать, членов их семей. Казни должны быть публичными и как можно более впечатляющими. Быстрее всего таких людей можно найти, спросив местного священника. Колебание при исполнении этих приказов должно сурово наказываться, а “избыток рвения лучше, чем гуманная мягкотелость”. Члены Испанской фаланги могут быть причислены к офицерам, чтобы следить за тем, не допускают ли войска ошибок при проведении казней, и разоблачать любые проявления нерешительности...»7

18 августа Кейпо де Льяно заявил:

“ «Восемьдесят процентов андалусских семей в трауре, и мы не замедлим прибегнуть к более строгим мерам»8.

Бруэ и Темим иллюстрируют это примерами того, что происходило на территории мятежников:

“ «Вступление националистов в Бадахос сопровождалось настоящей резнёй. Специальный представитель агентства “Navas” телеграфировал, что трупы лежат в соборе, даже у подножья алтаря, и что “тела сторонников правительства, казнённых скопом, выложены рядами перед собором на главной площади”. Корреспонденты “New York Herald” и “Le Temps” описывали эту бойню, которую офицеры-националисты пытались оправдать невозможностью содержания пленных. Колонна беженцев, направлявшихся к португальской границе, была приведена обратно в город и тут же расстреляна. Корреспондент “Le Temps” упоминает о 1 200 казнённых, о “тротуарах залитых кровью, в которой всё ещё покачивались каски”, в то время как расстрелы продолжались до самой главной площади... Террор был способом подавить сопротивление масс. По крайней мере, так считали предводители мятежа»9.

Сам генерал Франко также верил в террор, включая расстрелы, как средство утвердить свою власть и сокрушить её противников. Рональд Фрейзер ссылается на интервью с Эухенио Вегасом Латапье, редактором монархической газеты «*Acción Española*» во время Гражданской войны, который был настолько возмущён расстрелами без суда и следствия, проводившимися на его глазах, что обратился по этому поводу лично к генералу Франко. Он убеждал его провести суд над обвиняемыми и позволить им защищаться, утверждая, что текущее положение «серьёзно дискредитирует наше дело». Однако, говорил Вегас Латапье,

«Франко не обратил внимания на мои слова. Когда дело касалось репрессий, он хорошо знал обо всём происходившем и был чертовски спокоен. По информации, которую я предоставил позднее, Пеман поднял перед Франко вопрос о количестве людей, которых держали в заключении год или больше после вынесения смертного приговора. Франко объяснил, что это было необходимо, чтобы иметь возможность обменять их на заключённых, которые находились в таких же условиях в красной зоне. Но во время войны правительство Франко едва ли давало согласие на какие-либо обмены; и более того, когда война закончилась и даже этого оправдания больше не было, всё продолжалось так же, как и прежде, и людей после вынесения смертного приговора держали в заключении год, если не больше. Франко продемонстрировал ту неприкрытую, холодную жестокость, которой он славился ещё в Иностранном легионе»¹⁰.

Данный вид террора не ограничивался городами, которые были завоёваны наступающими войсками мятежников. Это происходило и в тех местах, которые с самого начала подпали под их контроль. В Кордове, например, рабочих окружали на улицах и в мастерских и расстреливали без какой-либо причины, просто за то, что они были рабочими. Местные политические лидеры, лояльные Республике, также были убиты по приказам мятежных властей¹¹.

Один ветеран армии Франко рассказывал о почти ежедневных облавах на политических «подозреваемых», проводившихся в Кордовском регионе, спустя долгое время после начала войны, его собственным подразделением. Он говорил, что многие аресты и казни были «в высшей степени произвольными»¹².

Такой же официально санкционированный террор проводился в преимущественно сельской провинции Саморра в Старой Кастилии, которая изначально оказалась в руках мятежников. Практически все лидеры партий и организаций, поддерживавших Республику, были схвачены и казнены¹³. Подобные вещи, несомненно, происходили по всей мятежной Испании.

Гэбриел Джексон комментирует террор мятежников:

“ «...Ожесточение, с которым проводилась чистка в мятежной Испании, не может быть объяснено законами войны... Испанские мятежники сражались, чтобы сохранить традиционные привилегии армии, церкви и землевладельцев... Выступление военных 18 июля казалось им последним

шансом сохранить Испанию, в которой их привилегии будут защищены... Казни в националистической Испании не были делом революционных толп, пользовавшихся распадом республиканского государства. Они проводились по приказу и согласию высших военных властей». Этот автор, проделавший большую работу по изучению данной темы, пришёл к выводу, что насчитывалось около 200 000 жертв «националистических “прогулок” и политических репрессий во время войны», по сравнению с 20 000 погибших в результате «“прогулок” и политических репрессий в республиканской зоне»¹⁴.

Первоначальный террор в Каталонии

После подавления мятежа в Каталонии анархисты почти полностью контролировали здесь ситуацию. В Леванте, к югу от Каталонии, они делили власть с социалистами Ларго Кабальеро. Поэтому то, что происходило в этих двух регионах, имеет самое непосредственное отношение к дискуссии о роли анархистов в насилии и терроре в республиканской Испании.

Можно не сомневаться, что в первые дни и недели Гражданской войны в Каталонии произошло много убийств. В предыдущих главах мы говорили об «исчезновении» владельцев крупных предприятий в Барселоне и крупных землевладельцев. Хотя многие из тех, кто исчез, бежали во Францию, столь же бесспорно то, что многие были убиты своими рабочими или кем-то ещё. Повсюду разыскивали фалангистов и других людей, поддерживавших мятежников, и многие из них также были убиты. И конечно, было много случаев личной мести.

После 19 июля политические заключённые были освобождены из тюрем, и с ними на свободу вышли многие уголовные преступники. Следует предположить, что некоторые из последних вернулись к своим старым занятиям, чему способствовало отсутствие закона и порядка после начала Гражданской войны.

«Прогулки» были обычным явлением в первый период войны. Так назывались действия небольших групп, которые ночами по собственному произволу забирали своих жертв и «прогуливались» с ними до места их смерти.

Джон Лэнгдон-Дэвис, английский журналист, сочувствовавший республиканскому делу, писал в 1937 г.:

“Очевидным фактом является то, что в июле, августе и, насколько я знаю, позднее каждую ночь пять или шесть человек в среднем поднимали с кровати, сажали в машину, увозили на безлюдную дорогу, окружённую

соснами, позади Тидибальдо и расстреливали»¹⁵.

Посетив муниципальный морг в Барселоне, он узнал среднее число тел, доставлявшихся до 19 июля, и тел, доставлявшихся в течение месяца после 19 июля, и пришёл к выводу, что «террор в Барселоне за месяц унёс около 200 жизней...»¹⁶

Эти вещи не совершались по указанию анархических лидеров или при их подстрекательстве. И хотя рядовые анархисты участвовали в них, они не были единственными. Сесар Лоренсо ссылается на фалангистского историка войны в Каталонии, по утверждению которого «в преступных действиях были замешаны все партии пропорционально их численности»¹⁷.

Франц Боркенау, описывавший свои поездки в революционную Испанию в августе 1936 г. и январе – феврале 1937 г., писал о терроре в первые недели Гражданской войны, в частности в Каталонии:

“Я узнал, что терроризм в городе и деревне, безусловно, являлся важнейшим рычагом социальной революции. За расстрелами следовали экспроприации, и страх перед расстрелом заставлял оставшихся богачей подчиниться революционному режиму. Предположение, что анархисты в Каталонии обязаны своим превосходством исключительно террористическим методам, было неправильным; они пользовались бы преданностью значительного большинства рабочего класса и без терроризма. Но другое утверждение, что только терроризм позволил им сделать первые шаги в направлении социальной революции, было верным. Анархистский терроризм в эти первые дни был всего лишь наиболее безжалостным проявлением того террора, который вели все организации рабочего класса против врагов режима по всей Испании...”¹⁸

Боркенау подробно останавливался на этом вопросе: «Революционный терроризм июля, августа и сентября в Испании был тем, что называют “массовым террором” – понятие, которое имеет двоякое значение, как террор, осуществляемый самими массами, а не организованной полицейской силой, и охватывающий очень большое число, “массу” жертв». Он сравнивал это с ситуацией во Франции в 1792 г. и в России в 1918 г.: «Массы нападают не столько на людей, которые совершили или пытались совершить какое-либо действие против режима, сколько на людей, которые в силу своего общественного положения рассматриваются как естественные враги режима, защищаемого этими массами. В России, как в Испании и во Франции, аристократов убивали за то, что они аристократы, священников – за то, что они священники, и, в России и Испании, буржуа – за то, что они буржуа; во всех этих случаях убитые, кроме того, были известны как состоявшие в организациях, враждебных режиму...»¹⁹ Боркенау также отмечал: «Я рискну предположить, что, возможно, это не столько анархистская, сколько испанская привычка – уничтожать врагов поголовно»²⁰. Однако во время своего второго визита в революционную Испанию он увидел,

что применение анархистами силы в первый период войны подорвало их влияние в Каталонии: «Массовые экспроприации и массовые расстрелы до смерти напугали мелких собственников, которые являются весьма важным элементом в Барселоне»²¹.

Лидер каталонских анархистов Диего Абад де Сантильян, писавший во время войны, отмечал, что сразу после 19 июля 1936 г. в Барселоне было много тех, кто устраивал беспорядки и занимался мародёрством. Он говорил, что Центральный комитет милиции, в качестве одной из мер против этого, организовал упорядоченную реквизицию ценностей из церквей и домов тех людей, которые бежали, и поместил их в безопасные места²².

Сантильян писал:

“ «Возможно, что наша победа принесла насильственную смерть четырём или пяти тысяч граждан Каталонии, которые числились среди правых и связывались с политической и церковной реакцией. Но революция имеет свои последствия... Когда происходили эти события, именно мы сделали больше всего для того, чтобы сдержать инстинкт мести у свободных людей»²³.

Как только в Каталонии был образован Центральный комитет милиции, он занялся восстановлением закона и порядка. Эта задача была возложена на Отдел безопасности, возглавляемый анархистом Аурелио Фернандесом, и организованные им контрольные патрули, примерно наполовину состоявшие из членов НКТ.

Однако Сесар Лоренсо отмечает, что наряду с этими официальными патрулями «существовали полицейские силы, организованные каждой партийной или профсоюзной организацией и подчинявшиеся её руководителям: это были знаменитые чека, имевшие своих тайных агентов, свои частные тюрьмы, свои летучие отряды. Та, что была у НКТ, под руководством Мануэля Эскорсы, являлась самой важной и лучше всего организованной»²⁴.

Согласно Диего Абаду де Сантильяну:

“ «Мы прилагали серьёзные усилия, чтобы пресечь любые эксцессы, и не стоит думать, что мы для кого-то делали исключение – мы расстреляли некоторых наших друзей и товарищей, превысивших свои полномочия. Так, Х. Гарденес лёг в могилу, и его не спасло раскаяние в тех поступках, которые, как он честно признался, он совершил, зная, что мы заявили о своей непоколебимости; также лёг в могилу председатель одного из крупнейших синдикатов Барселоны, пищевиков, который был обвинён в совершении личной мести и которого не спас его долгий стаж активиста»²⁵.

Лидеры и значительная часть рядовых анархистов особенно боролись против попыток отдельных лиц использовать ситуацию в личных интересах. Франц Боркенау комментировал это во время своей первой поездки в революционную Испанию, меньше чем через три недели после начала Гражданской войны:

“ «Интересно слушать то, что эти марксисты говорят об анархистах. Непосредственно после разгрома военных, объясняют они, на Рамблас было много грабежей под видом анархистских действий. Тогда вмешалась НКТ, отрицая всякую причастность к этим деяниям; теперь первое, что бросается в глаза, – это большие плакаты анархистов на стенах зданий, угрожающие каждому грабителю расстрелом на месте. Но рассказывают и другие истории, ещё более удивительные. Во время разгрома и сожжения церковей милиция, естественно, захватила много денег и ценностей. Эту добычу следовало надлежащим образом передать НКТ, однако этого сделали; но сами рядовые анархисты предпочитали сжигать всё целиком, включая банкноты, чтобы отвести от себя обвинения в мародёрстве...»²⁶

Ту же самую идею, что революция должна служить не отдельным людям, а рабочему классу в целом, выражало другое явление, которое Боркенау наблюдал во время своей первой поездки:

“ «Коммунисты... в первый день после победы выдвинули экономические требования, такие как пособия для вдов бойцов, погибших при защите Республики. Анархисты не сказали ни слова о пособиях, зарплате или рабочем дне. Они просто говорят, что все жертвы должны приноситься ради революции, без какой-либо награды...»²⁷

Уже 30 июля анархисты приняли решительные меры против «прогулок». Барселонская газета «La Vanguardia» от 31 июля содержала на первой полосе две прокламации, датированные предыдущим днём. Одна из них была издана Местной федерацией единых синдикатов Барселоны и Региональной конфедерацией Каталонии НКТ:

“ «В Барселоне имела место серия обысков, сопровождавшихся произвольными арестами и последующими расстрелами, в большинстве случаев без какой-либо причины, оправдывающей подобные меры... Обыски домов по личной инициативе должны быть прекращены, и впредь они не могут проводиться без разрешения, данного Следственной

комиссией Комитета антифашистской милиции... или Местной федерацией, Региональным комитетом и Региональной ФАИ совместно.

Поступившая к нам информация о том, что эти бесчинства совершались от имени нашей организации без ведома ответственных комитетов, заставила нас принять это решение, чтобы пробудить чувство ответственности, прекратив трусливые действия недобросовестных людей, которых мы должны энергично преследовать».

Вторая прокламация, которая была подписана «НКТ-ФАИ», без уточнения, и широко распространялась в городе, в том числе путём разбрасывания с самолётов, была ещё более категоричной:

“ «МЫ БУДЕМ КАРАТЬ РАССТРЕЛОМ ВСЕХ, кто уличён в совершении действий, нарушающих права людей, всех, кто присвоил себе полномочия, которые конфедеральная и особая организация передала [Следственной] комиссии, составленной элементами фронта антифашистской борьбы из числа беспристрастных и более серьёзных людей. Мы говорим, как мы будем поступать, и мы будем поступать, как мы говорим»²⁸.

Суды и полиция анархистов

Руководимый анархистами Центральный комитет милиции вскоре занялся восстановлением легитимной судебной системы. Диего Абад де Сантильян отмечал:

“ «Дворец юстиции был открыт, и началась организация так называемого революционного правосудия. Были сформированы народные суды, чтобы рассматривать дела о мятеже и заговоре против Республики и против нового закона. Как только эта функция была признана, при первой возможности народные судьи были заменены старыми профессиональными судьями, которые имели больше опыта в своей работе, но впоследствии были поставлены на службу контрреволюции...»²⁹

Хуан Гарсия Оливер в своих мемуарах отмечал:

«Мы оставили управление юстицией революционному комитету, который был создан в Барселонском суде и включал в себя видных юристов, таких как Эдуардо Барриоберо, Анхель Самбранкат, Хуан Розиньоля и другие, получавших помощь от представителей НКТ и ВСТ».

Однако военных, участвовавших в заговоре с целью свержения республиканского режима, судили другие военные, сохранившие верность Республике. Для этого были образованы соответствующие трибуналы³⁰.

Диего Абад де Сантильян подчёркивал внутренний конфликт с совестью у анархистов, вовлечённых в создание регулярных полицейских сил и судов:

“ «Судьи, даже при том, что они были из ФАИ, полиция, даже при том, что она принадлежала к НКТ, были неприятны для нас; это были функции, вызывавшие у нас некоторое отвращение. Не сочувствовали мы и созданию так называемых контрольных патрулей. Мы хотели ликвидировать все институты принуждения в тылу и отправить их служащих на фронт...»³¹

«Патрули стали героями ужасной легенды. Большинство милиционеров были нашими товарищами, и они сами по себе являлись препятствием для возможных планов политического доминирования. Ставилась цель подавить эти силы, и прежде всего необходимо было дискредитировать их.

Возможно, что из полутора тысяч патрульных в Барселоне некоторые могли превышать свои полномочия и были виновны в поступках, достойных осуждения, но даже в подобном случае их было отнюдь не больше, чем обычно бывало в других репрессивных учреждениях. Мы не защищаем институт патрулей, как не защищали мы гражданскую или штурмовую гвардию. Но они обладали чувством гуманности и ответственности, благодаря которому они оставались верны защите нового революционного порядка. Со временем они, возможно, стали бы всего лишь ещё одним полицейским корпусом, но клевета, которой они подвергались, была бездоказательной. Она исходила в основном от коммунистов.

Во многих случаях нам приходилось вмешиваться, чтобы освободить людей, политический нейтралитет которых был для нас гарантирован, и мы могли видеть, что с этими задержанными обращаются так, как с нами самими никогда не обращались: как с людьми. В нашем тылу были заговорщики, и естественно, им не позволили бы разгуливать на свободе и причинять нам вред. Но население, пережившее первые десять месяцев революции в Каталонии, подтвердит эту разницу в сравнении с репрессивными методами, которые стали применяться после, при “порядке”, установленном Прието, Негрином, Сугасагойтией, с пыточными камерами Коммунистической партии или Главного управления безопасности, которые были одним и тем же, с ужасами СИМ, где совершались такие зверства, какие не смог бы вообразить даже гражданский гвардеец монархии»³².

Анархический террор в Леванте

В Валенсии, как и Каталонии, «прогулка» была обычным явлением в первые недели Гражданской войны. Хотя в Левантийском регионе, согласно декрету правительства Хирала, были созданы народные суды, в частности для рассмотрения дел об измене Республике, «прогулки» прекратились не сразу. Один человек, который в 1936 г. был судьёй в Валенсии, через много лет вспоминал, что каждое утро он должен был ходить по городу, удостоверяя смерть разных людей, убитых ночью. Он говорил, что эта ситуация продолжалась около трёх-четырёх месяцев³³.

Когда анархист Хуан Гарсия Оливер в начале ноября 1936 г. занял свой кабинет в Валенсии как министр юстиции, он увидел, что одной из его первых задач является прекращение «прогулок». Он узнал, что главная группа, осуществлявшая незаконные аресты и расстрелы, была известна как «Кровавый трибунал» и состояла примерно из 20 человек, собранных со «всех антифашистских партий и организаций города».

В речи, произнесённой им на церемонии открытия судебного года вскоре после вступления в должность, Гарсия Оливер попытался объяснить происхождение «прогулок». Он пересказывает это объяснение в своих мемуарах:

“Ввиду того, что военный мятеж вызвал исчезновение всех социальных ограничений, поскольку он был поднят классами, исторически поддерживавшими общественный порядок, попытки восстановить состояние законности вызвали резкий возврат правосудия к его самому отдалённому и чистому источнику: народу, *vox populi, suprema lex*. И народ, пока продолжалось это расстройство, создал и применял свой закон и процедуру, то есть “прогулку”. Но нормальное положение, восстановленное созданием народных судов революционного состава, не оставило никаких оправданий для “прогулок”; подозреваемые должны передаваться народным судам, чтобы их дела рассматривались беспристрастно, с наказанием для виновного и немедленным освобождением для невинного».

Гарсия Оливер решительно боролся с бессудными расстрелами. Он вызвал к себе членов «Кровавого трибунала», и у них состоялся довольно бурный разговор, во время которого делались намёки на то, что сам Гарсия Оливер может отправиться на «прогулку».

Гарсия Оливер пишет, что эту удалось заставить «Кровавый трибунал» прекратить свою работу. Но через пару недель ночные убийства возобновились, и жертвы были оставлены у Народной военной школы, только что открытой Гарсией Оливером. Вскоре выяснилось, что эти расправы были совершены штурмовыми гвардейцами по приказу одного из чиновников Министерства внутренних дел. Гарсия Оливер не позволил продолжать эти возобновлённые «прогулки»³⁴.

По мере продолжения войны характер террора на республиканской стороне резко изменился. Влияние сталинистов в воссозданных регулярных полицейских силах и армии росло, с помощью агентов советского ГПУ была создана тайная полиция сталинистов, совершенно независимая от правительства, и насилие, принуждение и террор стали осуществляться на более организованной основе. Разумеется, они применялись уже не анархистами, а против анархистов (и других несогласных со сталинской политикой).

Анархисты и террор в Арагоне

Есть много свидетельств о том, что, когда анархические колонны милиции вошли в Арагон и отвоевали примерно половину этого региона, они оказались замешаны в актах насилия на занимаемых ими территориях. Кроме того, анархические крестьяне в отвоеванных районах со значительным размахом вели террор против своих врагов.

Франц Боркенау, посетивший Арагон меньше чем через месяц после начала Гражданской войны, подтверждает это. Он пересказывает разговор в сельской таверне во Фраге:

“Большинство из них – анархисты. Один человек, красноречиво проведя пальцем по горлу, рассказывает нам, что они убили тридцать восемь “фашистов” в своём селе; это очевидно доставляло им огромное наслаждение. (В селе лишь около тысячи жителей.) Они не убивали женщин или детей, а всего-то священника, его наиболее активных приверженцев, адвоката с сыном, помещика и некоторое число богатых крестьян! Сначала я думал, что число тридцать восемь было хвастовством, но на следующее утро мне подтвердили это другие крестьяне, некоторым из которых эта резня пришлась совсем не по душе. От них я узнал подробности произошедшего. Расправу устроили не сами селяне, а колонна Дуррути, когда она впервые проходила через село. Её бойцы арестовали всех, кто подозревался в реакционных действиях, отвезли их в тюрьму на грузовике и расстреляли... В ответ на эту расправу богачи и католики в соседнем селе подняли восстание; алькальд выступил посредником, колонна милиции вошла в село и снова расстреляла двадцать четыре своих противника»³⁵.

Часто арагонские крестьяне совершали казни с неохотой. Возможно, события в одной небольшой деревне являются типичным примером того, что происходило во многих остальных. Местный революционный комитет вначале никого не осудил, испытывая отвращение к расправе над своими земляками. Однако в итоге комитет, состоявший из пяти членов НКТ и пяти – ВСТ, пришёл к выводу, что если фашистов оставить в живых, то они убьют республиканцев при первой же возможности. Поэтому трёх главных фашистов деревни осудили и расстреляли³⁶.

Лидеры некоторых анархических колонн, пришедших в Арагон, пытались предотвратить террор. Так поступил Сатурнино Карод, командир колонны, стоявшей напротив Бельчите. Много лет спустя он рассказывал Рональду Фрейзеру о том, как он собрал жителей села Каласейте, которые предали огню свою церковь, и упрекнул их:

“ «Вы сжигаете церкви, не думая о том горе, которое вы приносите вашим матерям, сёстрам, дочерям, родителям, в чьих жилах течёт христианская, католическая кровь. Не думайте, что, сжигая церкви, вы измените эту кровь и что завтра каждый и каждая будет считать себя атеистом. Напротив! Чем больше вы ругаетесь над их совестью, тем сильнее они будут держаться церкви. Не говоря о том, что огромное большинство из вас в душе верующие».

Фрейзер добавляет: «Он потребовал, чтобы любую жизнь и любую собственность – не только церковную – уважали. Задачей колонны было сражаться с врагом в открытом бою, а не брать правосудие в свои руки»³⁷.

Ситуация в Мадриде

Анархисты в начале Гражданской войны не имели в Мадриде такого преобладания, как в Каталонии и Арагоне. В это время республиканское правительство контролировало столицу лучше, чем любой из городов Испании. Однако даже здесь анархисты пользовались значительным влиянием и большой степенью самостоятельности в первые месяцы Гражданской войны. Как мы уже отмечали в главе 7, Комитет обороны Центра НКТ в течение всей войны сохранял влияние в анархических войсковых частях, действовавших на Центральном фронте.

Хесус де Галиндес, баскский националист, которому правительство поручило расследовать и пресечь «прогулки» в Мадриде, говорил, что в начале войны и у НКТ, и у коммунистов были свои чека. Их служащие приходили в тюрьмы и забирали оттуда людей в свои штаб-квартиры, чтобы рано или поздно покончить с ними.

Однако Галиндес отмечал, что анархическая чека и коммунистическая произвели на него разное впечатление. По его словам, анархисты забирали людей в порыве негодования или политических страстей, но когда он вмешивался и был готов поручиться за человека либо собирался вернуть его в тюрьму, они обычно верили ему и отпускали свою жертву. Коммунисты же работали планомерно и отрицали, что когда-либо видели разыскиваемого человека, даже если у Галиндеса были доказательства, что тот находился у них.

Ларго Кабальеро, узнав о происходящем, назначил анархиста Мельчора Родригеса начальником тюрем Мадрида. После этого, согласно Галиндесу, захваты заключённых прекратились.

Самым страшным массовым убийством в Мадриде стало нападение на тюрьму Карсель-Модело в начале ноября 1936 г., когда войска Франко собирались начать лобовую атаку на город. Хесус де Галиндес был убеждён, что это нападение, во время которого 600 заключённых хладнокровно убили, было сознательно организовано коммунистами³⁸.

Террор в Астурии

В Астурии распад власти также спровоцировал масштабный террор против действительных и предполагаемых врагов республики и революции. Хавьер Р. Муньос пишет относительно этого региона:

“В первые месяцы войны было совершено наибольшее число убийств... Если верить источникам, репрессии и садизм стали теми ингредиентами, из которых готовился кровавый салат в эти месяцы».

Муньос отмечает, что после того, как в сентябре 1936 г. де-факто было создано правительство региона в Хихоне и при нём организован народный суд, «был положен конец предшествующим эксцессам... Основываясь на известных данных о казнях, для которых указана дата, можно убедиться, что 60 с небольшим процентов смертей приходится на июль – сентябрь 1936 г. В следующие месяцы совершалось меньше убийств, которые были делом настоящих “неконтролируемых”, до заключительных месяцев войны, сентября и октября 1937 г., когда возобновился террор, на который приходится около 20 процентов жертв».

Народный суд рассматривал много дел, в которых были замешаны «неконтролируемые». Муньос отмечает, по обвинениям в незаконных арестах суд приговорил трёх человек к смертной казни и одного к 30 годам заключения³⁹.

Антиклерикализм анархистов

Особое внимание следует уделить террору анархистов, направленному против католической церкви, её священников, монахов и сторонников из числа мирян, особенно в первые несколько месяцев Гражданской войны. Хотя почти все политические группы, поддерживавшие Республику – кроме баскских националистов – являлись антиклерикальными, анархисты были наиболее воинственными из них, и есть серьёзные доказательства того, что они несли основную ответственность за нападения не только на церковные здания, но и на церковных служителей и тех, кто был с ними связан.

Прежде чем обратиться к фактам, важно изучить причины яркой враждебности анархистов по отношению к католической церкви. Именно это сильное и страстное чувство было побудительным мотивом их действий против церкви, её служителей и сторонников во время Гражданской войны.

Объяснение Джеральда Бренана получило значительную поддержку других исследователей. Хотя он говорил в основном об анархистах в сельских районах южной Испании, он отмечал, что к началу Гражданской войны многие каталонские рабочие были мигрантами из Андалусии в первом или втором поколении и, таким образом, его наблюдения были применимы и к ним:

“ «Фанатичная ненависть анархистов к церкви и чрезвычайная агрессивность их нападений на неё во время Гражданской войны – вещи, известные каждому... Я думаю, это можно истолковать только как ненависть еретиков к церкви, от которой они отпали»⁴⁰.

“ «Я бы предположил, что гнев испанских анархистов по отношению к церкви – это гнев глубоко религиозных людей, которые чувствуют себя покинутыми и обманутыми. Священники и монахи оставили их в переломный момент их истории и перешли к богачам. Гуманные и просвещённые принципы великих богословов семнадцатого столетия были отброшены. Люди стали подозревать... что все слова церкви были лицемерными. Когда они начали борьбу за христианскую утопию, эта борьба, следовательно, велась против церкви, а не совместно с ней...»⁴¹

Доктор Семпрун Курреа, преподаватель Мадридского университета, консервативный политик и автор испанского католического обозрения «Cruz y Raya», по-видимому, подтверждает наблюдения Бренана в статье, опубликованной во французском издании «Esprit» в 1936 г.:

“ «Для любого, кто изучил этот вопрос на месте, ясно, что глубинным и потаённым корнем антиклерикализма в душе испанского народа было резкое осуждение духовенства – не за то, что оно носило сан, а за то, что оно не умело быть достойным его... Очень часто ненависть к священнику или религиозному человеку вызывается тем, что он недостаточно соответствует тому, к чему он сам призывает. Его не обвиняют в том, что он верит в Христа, его обвиняют потому, что он не подражает Христу; его обвиняют не за его обеты и правила, а за то, что он не выполняет их усердно; его оскорбляют не за проповедь последующей жизни и отречения от нынешней, а за нежелание отречься от этой, земной жизни и видимое забвение иной»⁴².

Профессор Хосе Санчес, историк церкви времён Гражданской войны, приводит мнения других испанских авторитетов, которые, как нам кажется, согласуются с анализом Джеральда Бренана. Он цитирует Мауриси Серраиму, каталонского адвоката и активного

католического прихожанина и политического активиста, утверждавшего:

“ «Я всегда настаивал, что глубоко внутри эти поджоги ощущались как деяние веры. Иными словами, это был акт протеста против того, что церковь не была в глазах народа тем, чем она должна быть. Разочарование того, кто верит и любит и был предан. Оно вырастает из идеи, что церковь должна принимать сторону бедных – и не принимает...»⁴³

Санчес также ссылается на Мануэля де Ирухо, баскского националиста и католика, занимавшего министерские посты в республиканских правительствах Ларго Кабальеро и Хуана Негрина. Ирухо говорил: «Поджоги церквей не имеют никакого отношения к антирелигиозным чувствам; это протест против государства и, если позволите, своего рода обращение к Богу против человеческой несправедливости»⁴⁴. Сам Санчес отмечает:

“ «[Существовал] вопрос о социально-экономической роли духовенства в Испании. Эта роль стала оправданием насилия, получившего поддержку и сочувствие либералов и рабочих за границей... Восприятие было более важным, чем действительность. Священнослужители воспринимались и клеймились как социальные лицемеры. Сделать это было легко, особенно в стране с такими значительными социальными проблемами и с такой многочисленной и влиятельной в культуре церковной организацией... Испанское духовенство около ста лет до 1936 года подвергалось критике за его союз с богатыми в никогда не утихающей классовой войне... Также вероятно, что в развивающейся буржуазной экономике начала XX века, с её растущим классовым разделением и классовым созданием, духовенство стремилось угодить богатым, поскольку оно чувствовало себя более уютно среди тех, кто посещал его мессы и содействовал ему в проповеди Евангелия...»⁴⁵

Поджоги церквей, конечно, начались не во время Гражданской войны 1936–1939 гг. Ими были отмечены многие восстания и гражданские конфликты XIX века, а также Трагическая неделя в Барселоне в 1909 г., когда было сожжено 17 церквей и 23 монастыря⁴⁶.

Антиреспубликанская позиция церкви

В дополнение к давнему антиклерикализму анархистов и других сторонников республиканского дела существовала ещё одна, более непосредственная причина антицерковной враждебности во время Гражданской войны. Фактом было то, что церковные иерархи и большая часть духовенства – за исключением Страны Басков – более или менее открыто поддерживали дело мятежников.

Хосе Санчес отмечает:

“ «В большинстве случаев духовенство изображалось соучастником заговора военных и считалось, оно прятало в своих церквях и домах оружие, из которого вёлся огонь по врагам мятежа»⁴⁷.

Для подобного представления о духовенстве имелись веские причины. Диего Абад де Сантильян писал о событиях 19–20 июля в Барселоне:

“ «Мы не препятствовали нападениям на церкви и монастыри в отместку за сопротивление, которое оказывали из них армия и служители божьи. Во всех из них мы нашли оружие или заставили сдаться силы, укрепившиеся там...»⁴⁸

Безусловно, некоторые священнослужители, которые остались на республиканской территории и избежали ареста, сотрудничали с мятежными силами. Через двенадцать лет после окончания войны падре Бернардино Антон Ортис, который во время нашей встречи возглавлял церковный консультативный совет профсоюзной системы франкистского режима, рассказывал мне о своих действиях.

Его не было в приходе, когда в Мадриде начались бои, и поэтому он не попал в руки милиционеров, искавших его. Когда он вернулся домой, одна из прихожанок поселила его у себя в квартире, из которой она выехала, когда начались трудности. Он прожил там до конца войны; за это время ему довелось работать водителем грузовика, кладовщиком, а течение полугода он вёл собственный бизнес, изготавливая сувениры и продавая их республиканским солдатам. Одновременно он участвовал в работе антиреспубликанского подполья Мадрида, собирая информацию, которую ему удавалось передавать через фронт мятежникам, и подделывая документы, в том числе для самого себя. После окончания войны он был приравнен новым режимом к военным служащим и получил медаль «Ветеран войны» от Франко⁴⁹.

В той части Испании, которая удерживалась мятежниками, церковная иерархия и духовенство были убеждёнными сторонниками Франко. Хосе Санчес отмечает, что, официально провозгласив католическую Испанию, «националисты, хотя среди них были неверующие и антиклерикалы, позволили епископам осуществлять власть в образовательных, социальных и культурных вопросах, чтобы приобрести их поддержку и поддержку верующих католиков... Епископы, таким образом, оказались вовлечены в политику, хотели они того или нет. Эта роль, вероятно, давала им преувеличенное сознание собственной власти. Их приглашали председательствовать при исполнении военных и гражданских функций, проповедовать в войсках, работать в политических комитетах...»⁵⁰

Наконец, в августе 1937 г. все иерархи испанской церкви, за исключением двух епископов, подписали коллективное письмо, «адресованное их сотоварищам епископам во всём мире»⁵¹. «Защищая мятеж как правое дело и утверждая, что революционеров направляют иностранные заговорщики... епископы объявляли о поддержке националистов, которые, как они говорили, представляют испанскую нацию, утвердили закон, порядок и правосудие и даже “излили свою любовь на отечество”... Что касается обвинений националистов в варварском обращении с пленными республиканцами, то письмо не оправдывало этих “эксцессов”, но говорило, что нет никакого сравнения между “произволом против законности” на республиканской стороне и упорядоченным отправлением правосудия националистами»⁵².

Епископы недвусмысленно заявляли о своём одобрении дела мятежников: «Мы утверждаем, что мятеж гражданских и военных имел под собой двойное основание в глубинах народного сознания, в патриотическом чувстве, которое увидело в нём единственное средство возвысить Испанию и предотвратить её окончательное падение; и в религиозном чувстве, которое рассматривало его как силу, необходимую, чтобы повергнуть врагов Господа, и как гарантию постоянства испанской веры и религиозной практики... В настоящий момент в Испании нет иной надежды на завоевание справедливости и мира и на благословение, происходящее из них, кроме победы националистического движения»⁵³.

Масштабы террора против церкви

Хосе Санчес пишет:

“ «Антицерковное неистовство 1936 года имеет особый смысл и значение. Это было наиболее кровопролитное гонение на духовенство за всю историю христианской церкви. Ни одно другое потрясение в современную эпоху не сравнится с испанским конфликтом по числу убитых священнослужителей, или их проценту от общего числа жертв, или числу открыто затронутых за короткий промежуток времени»⁵⁴.

«Неопровержимые факты, и они лучше всего задокументированы среди данных о погибших в испанской войне и связанном с ней терроре, говорят, что было убито около семи тысяч представителей духовенства, большинство из них – за шесть месяцев с июля по декабрь 1936 г.». Он цитирует Антонио Монтеро Морено, установившего, что «4 184 относились к белому духовенству (епархиальные священники), 2 365 относились к чёрному духовенству мужского пола (состоявшие в религиозных орденах и конгрегациях) и 283 были монахинями, всего 6 832»⁵⁵. Было убито 13 епископов.

В это время белое духовенство насчитывало почти 30 000 священников и 3 500 семинаристов, из которых 12% были убиты. Религиозные ордены насчитывали около 20 000 рукоположенных служителей, монахов и послушников, из которых 11% были убиты.

Санчес приходит к выводу, что «было убито около четверти духовенства мужского пола в республиканском тылу... В дополнение к этим смертям, было убито огромное число мирян, известных либо как набожные люди, участники братств и благотворительных религиозных организаций, либо как отцы, матери, братья, сёстры и друзья клириков. Некоторые были убиты за то, что заявляли о своей вере с помощью какого-нибудь внешнего символа, например церковной медали или скапулярия...»⁵⁶

Профессор Санчес продолжает:

“ «Вспышка гонений длилась около шести месяцев, вторую половину 1936 г.... Около 80% представителей духовенства погибло в первые два с половиной месяца войны, с начала мятежа в середине июля до 1 октября. Ещё 15% приходится на следующие три месяца до конца года. Таким образом, 95% всех убийств произошло в первые шесть месяцев войны. После этого убийства стали спорадическими...»⁵⁷

Иногда существовали довольно специфические поводы для расправы над священниками. По словам Франца Боркенау, в каталонском селе Тосас «было два священника, один фанатичный и строгий, другой легкомысленный во всех отношениях – особенно в отношениях с сельскими девушками. Этого последнего село укрывало от ареста с начала революции, в то время как “добрый” пастырь, ненавидимый всем селом как союзник реакционеров, попытался бежать и сломал себе шею, упав со скалы»⁵⁸.

Преследование духовенства обычно имело под собой «политические» или «антиклерикальные» мотивы, а не личные, что доказывается отношением к монахиням. Согласно Хосе Санчесу:

“ «Следует отметить, что, несмотря на все ужасные примеры пыток и жестокости, за весь период ни одна монахиня не подверглась сексуальному насилию по вине противников церкви. Монтеро Морено (для которого было бы естественно привести такие случаи, если бы они существовали) опровергает заявления националистов в первые месяцы войны о том, что монахинь заставляли голыми танцевать на публике или что республиканскими милиционерами устраивались массовые изнасилования. В своём исчерпывающем исследовании он говорит, что испанцы испытывают врождённое уважение к женщинам, особенно к девам, посвящённым Богу, поэтому, когда монахини арестовывались и подвергались сексуальному домогательству и, казалось, не было надежды на спасение, из числа членов солдатских комитетов появлялся стихийный заступник, который брал монахинь под защиту»⁵⁹.

Этот вывод профессора Санчес опровергает утверждения сторонников Франко во время Гражданской войны. В частности, «Совместное письмо испанских епископов», высказывавшееся в поддержку дела Франко, говорило: «Честь женщин не уважали, даже тех, что посвятили себя Богу...»⁶⁰

Через несколько месяцев действия толп, направленные против католической церкви и мирян, по большей части сменились формальными процессами в революционных судах. Джон Макговерн, член британского парламента от Независимой рабочей партии и католик, присутствовал на двух таких процессах. На одном из них судили пятерых членов католической молодёжной организации, которые обвинялись в участии в барселонском мятеже 19 июля. Макговерн сообщал, что они «все сознались в своём преступлении» и были признаны виновными. «Обвинитель требовал смертной казни. Суд состоял из юриста, бывшего председателем, и двенадцати заседателей от рабочих организаций. Они отклонили требование смертной казни и приговорили подсудимых к тридцати годам заключения».

На втором процессе рассматривалось дело четырёх монахов, которые установили на крыше своей небольшой обители пулемёт и обстреливали правительственные самолёты.

“ «Трое попытались сбежать, четвёртый сдался, заявляя о своей непричастности, и был освобождён до начала суда с согласия обвинителя. Для трёх остальных он потребовал смертной казни... Трое были признаны виновными и один – невиновным. Последний был освобождён; трое других были приговорены к тридцати годам заключения»⁶¹.

Убийство церковников и верных им мирян было не единственным аспектом террора против католической церкви на республиканской стороне во время Гражданской войны. Профессор Санчес не даёт оценки того, сколько церквей и других зданий религиозного назначения было разрушено. Но он отмечает:

“ «Тысячи церквей были сожжены, святыни подверглись осквернению, гробницы монахинь были открыты и их останки были выставлены на посмеяние, религиозные церемонии пародировались. Действительно, практически любой акт против церкви стал не только мыслимым, но и возможным»⁶².

Франц Боркенау описывал сожжение церкви в Барселоне во время его первого визита в революционную Испанию:

«По пути домой я увидел горящую церковь, и это также стало для меня большой неожиданностью. Я воображал себе торжество беснующейся толпы, а это оказалось деловой рутинной. Церковь стояла на углу широкой Пласа-де-Каталунья. Огонь быстро её пожирал. Небольшая группа зрителей стояла неподалёку (было около 11 вечера) и молча наблюдала, явно не сожалея о пожаре, но в то же время не испытывая особой радости. На месте работала пожарная команда, старательно удерживавшая огонь в пределах церкви и защищавшая окружающие здания; никому не разрешалось близко подходить к горящей церкви – во избежание несчастных случаев, – и люди подчинялись этому требованию с удивительным спокойствием»⁶³.

Поджигатели церквей часто делали всё возможное, чтобы спасти то, что они считали произведениями искусства. Джон Лэнгдон-Дэвис посетил Управление работ в Барселоне, где были собраны подобные предметы:

“В здании... шла весьма оживлённая деятельность. В каждом углу были навалены груды святых и дев, распятий и икон, резных фигурок; мужчины, переносившие туда и сюда новые ящики реликвий, которые только что прибыли; женщины за столами, печатавшие перечни сокровищ, переданных на хранение правительству...”⁶⁴

Не только церковные здания, но и другие объекты религиозного культа уничтожались на начальном этапе Гражданской войны. Боркенау рассказывал о том, что произошло в приморском каталонском посёлке Тосас:

“Здесь было проведено сожжение религиозных предметов...”
Милиционерша из ПОУМ говорила Боркенау, что, «по её впечатлению, крестьянки неохотно отдавали свои священные предметы, но они уходили с убеждением, что теперь настал конец католицизма; она слышала, как они говорили вещи вроде: “Святой Иосиф мёртв”. На следующий день село само отказалось от прощания “адьос”, “с богом!”, – потому что Бога на небесах больше нет»⁶⁵.

Страна Басков оставалась единственной частью республиканской Испании, где не было гонений на церковь. Баскские националисты, которых активно поддерживало католическое духовенство региона, были преобладающей политической силой режима. Пока в этой части Испании продолжалась война, священники могли свободно совершать богослужения и вести другие дела, хотя они старались не выходить на улицу в своём церковном облачении, в качестве простой предосторожности. В подразделениях лоялистской армии, находившихся

под контролем Баскской националистической партии, были свои капелланы⁶⁶.

Настоящее же преследование священнослужителей в Стране Басков развязали силы мятежников. По меньшей мере 14 священников были казнены сторонниками Франко после захвата провинции Гипускоа в начале войны, многие другие были арестованы ими здесь и позднее в Бискайе⁶⁷.

Ответственность анархистов за антиклерикальный террор

Люди совершенно разных убеждений склонны соглашаться с тем, что анархисты в значительной степени были ответственны за антицерковный террор первых месяцев Гражданской войны. Так, Джеральд Бренан считает: «Можно сказать, не совершая большой ошибки, что все церкви, сожжённые в Испании за последнее время, были сожжены анархистами и что большинство убитых священников были убиты ими»⁶⁸.

Со своей стороны, Хосе Санчес отмечает, что

“ «большинство источников указывает на анархистов как составлявших основную массу “неконтролируемых”»⁶⁹. «Как в Арагоне, так и в Валенсии значительная часть убийств была совершена пришельцами – анархистскими бойцами военных частей, направлявшихся к фронту. Колонна Дуррути в Арагоне и Железная колонна в Валенсии нападали на местные церкви и их священников, которых пощадило местное население, или агитировали сельских жителей рассказами о заговоре в больших городах, или как-либо иначе убеждали их убивать священников как врагов Республики и революции»⁷⁰.

Санчес добавляет: «Как только вспыхнул мятеж и началась революция, насилие стало обыденным, и анархистская пресса говорила о нём в самых смелых выражениях». Он цитирует отрывок из «Рабочей солидарности» от 15 августа 1936 г.:

“ «Церковь должна навсегда исчезнуть... Священник, монах, иезуит господствовали в Испании, и мы должны их искоренить... Религиозные ордены должны быть распущены, епископы и кардиналы должны быть расстреляны, и церковная собственность должна быть экспроприирована»⁷¹.

Учитывая почти полное преобладание анархистов в Каталонии и Арагоне и их широкое влияние в Леванте и Астурии в первый период Гражданской войны, когда поджоги церквей и убийства клириков и мирян были в самом разгаре, вряд ли стоит сомневаться в том, что анархисты несли главную ответственность за эти события в указанных частях республиканской Испании. Однако следует прояснить вопрос об отношении анархического руководства к преследованию духовенства.

Свидетельства одного из основных лидеров каталонской ФАИ, Диего Абада де Сантильяна, могут говорить о том, что это отношение было двойственным. В своей книге, вышедшей через год после окончания Гражданской войны, Сантильян писал:

“ «Июльский триумф лишил церковь её богатств и полномочий. Зачем же было преследовать её служителей? Монахини и монахи высказывали желание уехать за границу, и мы не видели никаких причин удерживать их против воли... Разве не было к лучшему, что они уезжали, вместо того чтобы оставаться здесь и постоянно плести заговоры? Сколько было людей, державших у себя дома родственников, священников, монахов или монахинь, которые не стали ставить нас в известность и просить у нас совета! Разве мы кому-нибудь из них выразили словом или жестом своё недовольство? Разве мы не гарантировали [священнослужителям] максимальное уважение до тех пор, пока они не вмешивались в дела нового революционного порядка?»

Однако далее, отметив два случая непосредственного участия священников в мятеже, Сантильян утверждает:

“ «Церковь, которая сражается таким образом за худшие идеи, не имеет никакого отношения к религии и не может быть защищена от народного гнева». Затем, возможно немного неискренне, он пишет: «...Революционная организация, какой являлась ФАИ, не считала, ни до, ни после 19 июля, что нужно предпринимать какие-либо действия против неё [церкви], когда она уже лишена своих инструментов духовного и материального подавления. Мы уважали убеждения каждого и требовали режима терпимости и мирного сосуществования всех религий и политических и социальных доктрин»⁷².

Конечно, далеко не все анархисты одобряли насилие над духовенством и уничтожение церковного имущества. Мы упоминали в главе 22 о том, что Феликс Карраскер, каталонский лидер ФАИ, будучи назначен директором роддома в Барселоне, предотвратил арест монахинь, которые работали в нём.

Британский парламентарий Джон Макговерн утверждал:

«...Лидеры рабочего класса защищают религиозных лидеров от физической расправы. Об этом свидетельствует случай римско-католического епископа Барселоны. Вокруг его резиденции собралась толпа в несколько десятков тысяч (некоторые говорят о 100 тысячах), требовавшая его жизни. Дуррути, анархистский лидер... явился на место с двадцатью вооружёнными людьми. Он обратился к толпе со ступеней дворца... Он вывел епископа, посадил его в автомобиль и передал правительству Каталонии, которое посадило его на итальянский военный корабль. Вместе с ним на борт поднялись пятьсот священников и монахов. Сотни монахинь были с охраной переведены через границу...»⁷³

Были и другие случаи, когда местные анархические лидеры брали под защиту священнослужителей, в том числе высокопоставленных. Например, старый епископ каталонского города Сольсона был переведён через границу пятью членами революционного комитета, контролировавшегося анархистами. (Четверо из этих пяти были казнены мятежниками, когда те захватили регион⁷⁴.)

В городе Бадалона, недалеко от Барселоны, как свидетельствовал его мэр времён войны, анархист Жоан Манен, двухтысячная толпа напала на местный монастырь, но НКТ не только отправила милиционеров, чтобы спасти монастырскую библиотеку от сожжения, но и постаралась не допустить убийства монахов.

По словам Манена:

“ «...Мы не смогли помешать толпе вывести тридцать восемь монахов, включая приора, в Бадалону, чтобы убить их. Двое были убиты и ещё двое ранены по дороге. Увидев людей с пиками, которые вели монахов, я невольно представил себе гильотину, поджидающую на площади, – настолько эта сцена напоминала Французскую революцию».

НКТ собрала на городской площади 200 вооружённых милиционеров, которые арестовали вожakov толпы и отвели монахов обратно в монастырь. Впоследствии НКТ договорилась с президентом Луисом Компанисом отправить монахов – многие из которых были иностранцами – за границу⁷⁵.

Можно также отметить, как любопытный факт, неявную критику чрезмерного антиклерикализма со стороны Хуана Гарсии Оливера. Когда он обустроивал свою резиденцию как министр юстиции в Валенсии, в конфискованном доме аристократа, он не стал, в отличие от других министров, снимать со стен картины, многие из которых были на религиозные темы. Когда кентерберийский декан спросил его о причине, Гарсия Оливер ответил:

«Это легко объяснить... Мотивы картин могут быть разными. Живопись не раздражает меня, а наоборот, доставляет удовольствие, независимо от того, является она религиозной, портретной, батальной или пасторальной. И когда я чувствую себя измотанным физически и интеллектуально, я смотрю на картины, пытаюсь понять чувства их персонажей, и постепенно ко мне приходит расслабление»⁷⁶.

Только в декабре 1938 г., за четыре месяца до окончания войны, анархисты официально отказались от своей крайней антиклерикальной позиции. Правительство Негрина создало Комиссариат по делам культов, что «стало окончательным признанием религиозной свободы». После жарких дебатов Национальный комитет НКТ в итоге одобрил это решение правительства.

Сесар Лоренсо даёт комментарий по этому поводу:

“ «Страница была перевёрнута: анархисты, никогда не прекращавшие сражаться со священниками и епископами, с верой и теологией, с верующими и догматами... наконец поняли, что им необходимо скорректировать свою позицию, продиктованную скорее страстью и негодованием, чем революционной волей»⁷⁷.

Заключение

Мы можем сделать несколько выводов относительно насилия и террора анархистов во время Гражданской войны.

Во-первых, черты насилия и даже терроризма, безусловно, были присущи традиции испанского анархизма. Отчасти они объяснялись социальной историей Испании, которая была отмечена многочисленными инцидентами с участием восставших крестьян и сельских бандитов, грабивших и даже убивавших землевладельцев, священников и касиков, при терпимом и даже одобрителем отношении местных жителей. С другой стороны, свой вклад внесла «пропаганда действием», поощрявшаяся определёнными элементами международного анархического движения в течение двух-трёх поколений перед началом Гражданской войны в Испании.

Во-вторых, за подавлением мятежа на значительной части Испании последовала стихийная вспышка насилия, во время которой рабочие убивали своих работодателей, крестьяне – помещиков, антиклерикалы – священнослужителей и верующих, сторонники Республики – членов политических групп, связанных с мятежниками; и рабочие-анархисты играли в этой вспышке важную роль. Это сопровождалось и более организованной разновидностью террора, так называемыми «прогулками», во время которых небольшие группы радикальных

активистов, анархистов и других, определяли кандидатов на устранение и совершали их убийства.

Проблема террора, как стихийного, так и организованного, поставила анархическое руководство в затруднительное положение, которое сохранялось в течение всей войны. Они, первые враги всякого рода «власти», были вынуждены использовать свою власть для создания органов – патрулей и революционных судов, – которые могли прекратить несанкционированное насилие. И они прекратили его.

С восстановлением правительственных структур в различных регионах республиканской Испании были организованы народные суды, которые рассматривали дела обвиняемых в преступлениях против Республики. Одновременно анархические лидеры в различных региональных правительствах Республики лично вмешались в ситуацию, чтобы положить конец «прогулкам».

Четвёртый очевидный факт – то, что некоторые анархические подразделения милиции, особенно в Арагоне, занимались истреблением «фашистов» и других нежелательных для них лиц, сами или руками местных крестьян. Колонна Дуррути, пришедшая в Арагон из Каталонии, и Железная колонна, пришедшая под Теруэль из Валенсии, были особенно активными в этих действиях.

В-пятых, анархисты с особым ожесточением преследовали католическую церковь, её духовенство и преданных прихожан. Как и другие акты террора, нападения на священнослужителей и церковные здания в основном приходились на первые недели гражданской войны/революции. Они отражали глубоко укоренившийся антиклерикализм испанского анархического движения и в большинстве случаев представляли собой стихийную реакцию на кризис правопорядка, дававший возможность излить свой гнев на церковь и её служителей, которых считали изменниками. Однако и в этом случае имели место антицерковные акции, которые проводились организаторами «прогулок» и некоторыми бойцами анархической милиции, даже когда прихожане не были склонны к расправе над священниками и разрушению церквей.

С другой стороны, было много анархистов, как рядовых, так и лидеров, которые выступали против столь агрессивных антиклерикальных мер. Отдельные анархисты вмешивались, иногда рискуя собой, чтобы остановить или по крайней мере смягчить подобные действия.

Также представляется очевидным, что и в терроре против собственников, помещиков и политических врагов Республики, и в терроре против церкви, его участники руководствовались главным образом идеологическими или политическими мотивами, а не личными. Хотя в подобные действия были вовлечены явно преступные группы, значительное большинство участников не было заинтересовано в получении материальной или иной личной выгоды. Лидеры анархистов упорно боролись с преступными действиями, имевшими под собой личные мотивы, и стремились прекратить их, когда получали соответствующие полномочия.

Наконец, следует отметить различие между теми событиями, которые мы только что обсудили, и двумя другими разновидностями террора, наблюдавшимися во время Гражданской войны. Первой из них является целенаправленное истребление лидеров и членов партий, профсоюзов и других организаций, поддерживавших Республику, по приказу высшего руководства мятежников на подконтрольных ему территориях. Эти действия, возможно с некоторыми исключениями, редко носили стихийный характер, так как у мятежников продолжали действовать военные и полицейские власти, что резко отличалось от ситуации на республиканской стороне.

Во-вторых, насилие и даже террор, которые происходили на республиканской территории в начале войны и в которых анархисты играли важную роль, следует отличать от другого террора, начавшегося после Майских дней в Барселоне.

Аресты, пытки, убийства и другие террористические действия, которые совершались сталинистами после мая 1937 г. – и даже до этой даты – не имели в себе ничего стихийного, не были связаны с испанскими традициями и никак не отражали реакцию испанского народа на прошлые репрессии и угнетение. Они составляли часть стратегии по уничтожению всех противников сталинистов, которые стремились получить абсолютный контроль над Испанской республикой и поставить её на службу интересам сталинского режима в Советском Союзе. Они были спланированы и организованы руководством Коммунистической партии Испании и Коминтерна и советскими агентами ГПУ, военными советниками и дипломатическими представителями в лоялистской Испании.

В отличие от сталинистов, испанские анархисты, как мы отмечали, в первые дни Гражданской войны приняли решение не устанавливать собственный режим в республиканской Испании. Какие бы ни существовали возможности для установления подобной «анархической диктатуры», анархисты очевидно не пытались это сделать в течение войны. И в каких бы террористических действиях анархисты ни участвовали, они не имели такой цели. Они были случайными и стихийными. Это не делает их менее ужасными, если вспомнить о судьбе их жертв, но в этом заключается реальное различие между террористической активностью анархистов и террором, который практиковали мятежники на другой стороне Испании и сталинисты внутри Республики.

2. Испанские анархисты и международное движение в годы Гражданской войны

Одним из факторов, которые ставили испанских анархистов в невыгодное положение в их конфликте со сталинистами и их союзниками, было отсутствие у НКТ-ФАИ серьёзной поддержки со стороны международного движения. Хотя Национальная конфедерация труда входила в Международную ассоциацию трудящихся (МАТ), эта организация была чрезвычайно слаба по сравнению с Коммунистическим Интернационалом, у которого были секции во всех европейских странах, а также в большинстве американских, во многих азиатских и некоторых африканских, который направлялся и финансировался одной из крупнейших мировых держав – сталинским Советским Союзом.

Первоначально, когда в 1919 г. был образован Коммунистический Интернационал, НКТ решила присоединиться к нему, но впоследствии она пересмотрела это решение и стала одним из членов-учредителей Международной ассоциации трудящихся, созданной в 1922 г. После прихода нацистов к власти в Германии, единственной страной (помимо Испании), где анархисты оказывали влияние на сколько-нибудь значительную профсоюзную организацию, оставалась Швеция. Но даже в Швеции анархо-синдикалистское объединение составляло небольшой процент в рабочем движении страны.

Таким образом, испанские анархисты, в отличие от своих оппонентов сталинистов, не могли использовать информационные и материальные ресурсы своих зарубежных единомышленников. Ещё хуже, с точки зрения испанских анархистов, было то, что многие лидеры либертарных групп за пределами Испании весьма критично относились к их политике компромиссов и идейных уступок во время Гражданской войны. Это резко контрастировало с единодушной поддержкой, которую Коминтерн во всех вопросах оказывал испанским сталинистам и их иностранным советникам.

Приток иностранных анархистов в Испанию

Когда мятежники были разбиты в Каталонии, в основном усилиями анархистов, либертарии из других стран устремились в Барселону, чтобы вступить в милицию НКТ-ФАИ или иначе поддержать ведомую анархистами революцию. Одновременно с этим сочувствующие

иностранцы, находившиеся в стране и за её пределами, стали предлагать НКТ и ФАИ свои услуги.

В моём распоряжении нет информации о том, сколько иностранных добровольцев было в милиции анархистов. Однако мне известно об итальянских антифашистах, которые вскоре после начала войны приехали в Испанию и вступили в колонну Аскасо. Их возглавлял политэмигрант-анархист Камилло Бернери:

“ «Вместе с анархистами прибыли члены Итальянской республиканской партии, “Социалистического республиканского действия”, Максималистской социалистической партии и группы “Справедливость и свобода”, которые, как говорил Бернери, “предпочитали нашу милицию всем остальным, признавая огромную роль испанского анархизма в борьбе против фашизма”. Они приняли крещение огнём в сражении у Монте-Пеладо, возле Уэски, 28 августа 1936 г., но к декабрю Итальянский легион реорганизовался в два батальона – “Маттеотти”, возглавлявшийся братьями Росселли и Луиджи Баттистелли, и Интернациональный батальон, сформированный анархистами вместе с другими добровольцами; оба они оставались частью колонны Аскасо»¹.

17 августа был официально принят Акт о создании Итальянской колонны в Барселоне, подписанный Бернери от имени анархистов, Карло Росселли от «Справедливости и свободы» и Анджелони от Итальянской республиканской партии. Карлос Рама отмечает, основываясь на письмах Бернери, к тому времени ставшего делегатом итальянской анархической секции в Барселоне, своим товарищам на Уэсский фронт:

“ «Мы знаем... что он понимал не только необходимость принимать другие итальянские революционные группы, на принципах равенства и братства, в анархическую Итальянскую секцию, поддерживавшую Итальянскую колонну в колонне Аскасо, но и то, что это являлось своего рода гарантией против восстановления контрреволюционных сил в республиканском лагере...»²

Дэвид Портер предположил, что среди 5 тысяч иностранцев, которые, по данным Хью Томаса, вступили в каталонскую милицию, «без сомнения, большой процент составляли анархисты, особенно из Италии, Германии и Франции... Французские анархисты, например, сформировали центурию “Себастьян Фор” (подразделение примерно в 100 человек), как часть колонны Дуррути на Сарагосском фронте. Хотя неанархисты из интернациональных бригад действительно значительно превосходили их по численности... опыт и вклад этих добровольцев-анархистов несправедливо игнорировались...»³

Видные зарубежные анархисты с первых недель войны совершали визиты в Испанию, чтобы увидеть революцию, которую начали их испанские товарищи, часто чтобы дать им свой совет и, позднее, чтобы их раскритиковать. Среди тех, кто находился в Испании более или менее продолжительное время, были германские анархисты Аугустин Сухи и Рудольф Роккер, австриец Макс Неттлау, русско-американская анархистка Эмма Гольдман, французы Гастон Леваль и Пьер Бенар.

Хотя позднее мы поговорим о них подробнее, трое из этих иностранных анархистов заслуживают отдельного упоминания. Рудольф Роккер был одной из ведущих фигур в немецком анархическом движении и одним из основателей Международной ассоциацией трудящихся. Во время Гражданской войны Роккер много путешествовал по лоялистской Испании, особенно обращая внимание на сельские коллективы анархистов в Арагоне и других местах; во время войны и после неё он много писал о том, что наблюдал в этих коллективах. После окончания Гражданской войны в Испании Роккер переехал в Соединённые Штаты, где прожил остаток своей жизни.

Аугустин Сухи также являлся известным немецким анархистом. Он находился в Испании значительную часть Гражданской войны и много писал о сельских коллективах и майских событиях 1937 г. Много лет спустя, после смерти Франко, он вернулся в Испанию с германской съёмочной группой, чтобы сохранить память о событиях Гражданской войны.

Гастон Леваль имел давние связи с испанским анархизмом. Во время Первой мировой войны и сразу после неё он был одним из вторичных лидеров НКТ. Он сопровождал Анхеля Пестанью во время поездки в Москву для решения вопроса о вступлении НКТ во вновь созданный Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн). Когда они вернулись в Испанию, они рекомендовали НКТ не присоединяться к Профинтерну, а вместо этого участвовать в конгрессе анархо-синдикалистских организаций в Берлине в 1922 г., на котором была создана Международная ассоциация трудящихся. Позднее, из-за преследований французской и испанской полиции, Леваль уехал в Аргентину, где он также активно участвовал в анархическом движении.

Леваль вновь приехал в Испанию через несколько месяцев после начала Гражданской войны. Как и Роккер, он много путешествовал по Республике, наблюдал сельские и городские коллективы и подробно писал о них. После окончания войны он вернулся во Францию, где продолжал рассказывать о том, что делали испанские анархисты⁴.

Многие иностранные анархисты и сочувствующие сотрудничали с информационным и пропагандистским аппаратом, созданным НКТ-ФАИ вскоре после начала Гражданской войны. Отдел иностранной пропаганды был создан в Барселоне 23 июля 1936 г. Он немедленно начал издавать бюллетени на разных языках и газету «Антифашистская Испания» (L'Espagne Antifasciste) в Париже⁵.

Деятельность МАТ в Барселоне

Пленум МАТ в ноябре 1936 г. решил, согласно Гельмуту Рюдигеру, что «пропаганда за НКТ-ФАИ должна контролироваться МАТ», и это «было принято с одобрения НКТ».

“ «Пропаганда, конечно, оставалась бы в руках НКТ-ФАИ и отвечала бы потребностям этих двух организаций. Но решение относилось к организованной пропаганде, приспособленной МАТ к условиям каждой страны. Мир должен был получить впечатление, что между НКТ и международным анархо-синдикализмом существует глубокое и реальное сотрудничество».

Во исполнение этого решения в январе 1937 г. Рюдигер создал в Барселоне Постоянную делегацию МАТ, «общий орган для всех представителей секций МАТ, находящихся в Испании»⁶. Делегация «состояла из одного делегата от польской секции, одного от французской (РСВКТ) и одного от шведской (САК) с мандатами, полученными напрямую от их организаций. Кроме того, участвовали представители подпольных движений, немцы и итальянцы, от соответствующих групп в Барселоне и, разумеется, один делегат от НКТ. Позднее у нас появилась возможность пополнить орган тремя-четырьмя дополнительными делегатами, но к тому времени было уже слишком поздно, поскольку НКТ-ФАИ уже сделала невыполнимой нашу идею о федералистской и коллективной организации её иностранной пропаганды»⁷.

Эта система сотрудничества между представителями МАТ и испанскими анархистами быстро потерпела неудачу. Гельмут Рюдигер позднее писал, что дела шли неважно не столько из-за позиции Национального комитета НКТ, сколько из-за «систематической работы по саботажу, которая была начата Полуостровным комитетом ФАИ с того самого дня, когда Аугустин Сухи стал членом этого комитета». Рюдигер добавлял: «Между прочим, было довольно неожиданно, что именно он станет советником анархической организации». (Между этими двумя анархистами были натянутые отношения ещё до Гражданской войны в Испании.)

Сухи был избран ответственным за иностранную пропаганду НКТ-ФАИ и, по словам Рюдигера, также принял «те функции, которые возлагались на МАТ. Он делал это с таким экстремизмом, что в НКТ распространилось убеждение, будто он является секретарём МАТ». Чтобы урегулировать эту ситуацию, представители МАТ предложили включить делегата от ФАИ в Постоянную делегацию МАТ. Однако «ФАИ отказалась, утверждая, что МАТ не должна захватывать контроль над её иностранной пропагандой. Под давлением Полуостровного комитета ФАИ Национальный комитет НКТ 10 апреля аннулировал свои прежние решения и принял новые».

Согласно новой договорённости, «представитель ФАИ Мартин Гуделл, помощниками которого стали делегат НКТ Кортес и секретарь МАТ, был назначен директором и секретарём иностранной пропаганды. Постоянная делегация оставалась просто редакционной коллегией бюллетеня, получавшей и исполнявшей распоряжения, а не органом аккредитованных товарищей из иностранных секций МАТ, каким она должна была

являться... Это породило недоверие и затруднило всю работу»⁸.

Объяснение этой проблемы испанскими анархистами значительно отличалось. НКТ утверждала, что секретарь МАТ (видимо, Рюдигер) добивался своего назначения на должность секретаря по иностранной пропаганде НКТ-ФАИ, на что испанцы не согласились. В итоге испанские анархисты, по их словам, организовали секретариат иностранной пропаганды, состоявший из одного представителя НКТ, одного ФАИ и одного назначенного Испанским секретариатом МАТ⁹. К тому времени, из-за всё более острой критики в адрес испанских анархистов, НКТ прекратила финансирование газеты «Антифашистская Испания»¹⁰.

Те, кто работал в секретариате иностранной пропаганды, не всегда сами были анархистами. К примеру, молодой чешский инженер, владевший несколькими языками, который работал на одной из каталонских шахт с 1933 г., вскоре после начала войны пришёл работать в секретариат. Он поступил так из сочувствия к анархическому движению, несмотря на то, что он был уволен со своей шахты, когда члены НКТ захватили предприятие. Он прослушивал иностранные радиопередачи, читал немецкие, английские и итальянские газеты и составлял сводки того, что говорилось в них о Гражданской войне¹¹.

Гельмут Рюдигер отмечал некоторые недостатки в иностранной пропаганде НКТ-ФАИ:

“ «Это пропаганда первых месяцев поддалась излишнему оптимизму, и сложность проблем, как социальных, так и военных, не была принята во внимание. Кроме того, информация ограничивалась почти исключительно Каталонией, где считали, что победа уже в кармане. Всё это заставляло иностранных товарищей думать, что социальная революция продвинулась гораздо дальше, чем было в действительности. Внутренняя пропаганда НКТ допускала ту же самую ошибку, за которую нам теперь приходится дорого расплачиваться»¹².

Отношения с Пьером Бенаром

Уже в начале войны у лидера НКТ Хуана Гарсии Оливера произошёл неприятный инцидент с французом Пьером Бенаром, который являлся генеральным секретарём Международной ассоциации трудящихся. Первый раз он приехал в Барселону, когда во главе Каталонии стоял Комитет антифашистской милиции. Гарсия Оливер, отвечавший тогда за оборону, принял его как гостя, предоставил автомобиль и шофёра, поселил в одной из комнат штаб-квартиры Комитета милиции и обеспечил испанской валютой. Однако Бенар вернулся во Францию, так и не рассказав о цели своего визита.

Бенар вновь приехал в Барселону через пару месяцев, когда НКТ уже вошла в Каталонское правительство и Гарсия Оливер стал субсекретарём обороны Хенерадилада. Его сопровождал человек, которого он представил как представителя известного торговца

оружием Василия Захаровфа. Гарсия Оливер сообщил, что в данный момент каталонские войска больше всего нуждаются в бездымном порохе, и от лица каталонского правительства заявил, что с радостью оплатит наличными любое количество такого пороха, если его доставят на границу или в один из каталонских портов. Однако «представитель Захаровфа», пишет Гарсия Оливер, «рассказал мне о большом количестве своего оружия, которое он мог предложить мне, от пистолетов до танков и кораблей. Вдобавок, он предлагал мне аппарат недавнего изобретения, который испускал некие лучи, останавливавшие двигатели самолётов в воздухе...»

Гарсия Оливер решил, что представитель Захаровфа является мошенником. Бенар устроил этому человеку встречу с Дуррути, который привёл его к каталонскому премьер-советнику Таррадельяс, и тот назначил ещё одну встречу с участием Гарсии Оливера. Таррадельяс заявил, что готов оплатить поставку бездымного пороха наличными по получении, Бенар и Дуррути убеждали его согласиться с условиями представителя и выплатить треть авансом. Тогда Таррадельяс по-каталански спросил Гарсию Оливера: «Что нам делать?» – и тот ответил, также по-каталански: «Ни сентима».

По словам Гарсии Оливера, после окончания встречи Дуррути вернулся на фронт, а Пьер Бенар уехал во Францию, не прощаясь¹³.

Роль Гельмута Рюдигера

Особую роль в отношениях между испанскими анархистами и международным движением играл немецкий анархист Гельмут Рюдигер. Значительную часть войны он являлся помощником секретаря МАТ по испанским делам и провёл в Испании много времени. 1 мая 1937 г. он выступал с поздравлением на радио НКТ-ФАИ в Барселоне¹⁴. Он также присутствовал практически на всех пленумах Национального комитета НКТ «и на многих каталонских региональных». В мае 1937 г. он представил Национальному и Региональному комитету доклады о «нашем участии в международной пропаганде и о международном положении движения»¹⁵.

Рюдигер был решительным, хотя и критически настроенным, сторонником испанских анархистов. Он защищал их перед лицом тех элементов международного анархического движения, которые резко осуждали политику НКТ-ФАИ во время Гражданской войны. Однако в то же время он довольно критически относился к некоторым действиям и позициям испанцев.

Рюдигер выступил с обширным докладом на Чрезвычайном конгрессе МАТ в Париже в декабре 1937 г. Этот документ начинался с примечания: «Внимание: данная информация не предназначена для публикации, даже частично. Она служит лишь внутренним материалом для обсуждения движением». Тем не менее испанские анархисты вскоре издали в виде брошюры длинные выдержки из доклада Рюдигера, особенно те части, которые показывали их в благоприятном свете.

Рюдигер был особенно обеспокоен публичными нападками на испанских анархистов со стороны их иностранных товарищей:

“ «Критика НКТ иностранными секциями была явной на пленуме МАТ в ноябре прошлого года и также на последнем пленуме 11 июня этого года. Особенно она заметна со стороны французской секции МАТ, которая склоняется к экстремизму и ведёт публичную кампанию против лидеров НКТ, обвиняемых в предательстве революции. Они не видят, что НКТ ведёт неимоверную борьбу за жизнь и смерть, они всё ещё продолжают свою борьбу против НКТ, открытую глазам и ушам всего мира, что вредит авторитету нашего международного движения... Публичные дискуссии последних недель велись в язвительном тоне на таком низком уровне, с такой необъективностью и в таких личных выражениях, что настал момент, когда мы должны уяснить себе опасность и последствия, к которым мы придём, если продолжим следовать этим путём. Мы должны положить конец этим действиям везде, где они совершаются. Я считаю, что в них повинны обе стороны»¹⁶.

Документ Рюдигера очерчивал эволюцию НКТ в десятилетия, предшествовавшие Гражданской войне, и защищал решение испанских анархистов сотрудничать с другими элементами, защищавшими Республику от военных мятежников, которых возглавил генерал Франсиско Франко. Он замечал:

“ «Разумеется, движение могло предпринять попытку тотальной реализации своих целей, по крайней мере в Каталонии. Но это по сути стало бы двойным убийством: героическим самоубийством НКТ и передачей целого народа в руки головореза Франко»¹⁷.

Рюдигер особенно предостерегал против попыток чистых анархистов за границей расколоть испанских либертариев:

“ «Была дискуссия об оппозиции в НКТ, как будто это была организация, способная даже сформировать новую центральную профсоюзную группу, связанную с МАТ, в Испании, в случае, если НКТ отойдёт от МАТ. Эта деталь доказывает, что некоторые товарищи извне имеют совершенно ошибочное представление об испанских реалиях, а также о миссии МАТ в настоящее время. Фактически это выглядит так, словно определённые анархические элементы за рубежом хотят раскола НКТ и способствуют ему...»¹⁸

В своём докладе Рюдигер отмечает недостаток определённости в попытках НКТ реорганизовать экономику. Это было особенно верным в отношении проблемы мелкой буржуазии:

“ «Каковы будут экономические отношения между рабочим синдикатом, который управляет крупным производством и крупной торговлей, и тем сектором экономики, который находится в руках мелких собственников, у которых трудятся несколько работников или только члены их семьи? Какую конкретную форму примет экономическая система, основанная на этих двух факторах? Какие средства следует использовать, чтобы заставить мелкого буржуа работать при новом порядке, если он не делает этого добровольно или начинает саботировать?

Нужно сказать, что многие анархисты, пытаясь ответить на эти вопросы, рассуждают так, словно мир всё ещё пребывает в Средневековье... Мы откровенно говорим, что у НКТ нет программы на этот счёт; но мы с такой же откровенностью признаём, что во всех остальных секциях МАТ также не существует какой-либо ясности в этом отношении»¹⁹.

Большое раздражение у Рюдигера вызывало то, что он расценивал как безосновательную критику испанских анархистов:

“ «Для меня полностью непостижимо то, что в определённых изданиях МАТ пишут против НКТ и перечисляют, неделю за неделей, действительные или мнимые недостатки испанского движения, как будто настали счастливые времена и у нас нет других забот, кроме как выяснять, кто является идеологически наиболее чистым»²⁰.

“ «Задача создания истинной и связной революционной теории международного анархо-синдикализма, в рамках которой все будут работать, в данных обстоятельствах весьма трудна, и работа такого рода требует крепкого товарищества, большого такта и добросовестного анализа окружающих нас реалий и испанского опыта. Как позорно в такие моменты выдвигать перед публикой обвинения против товарищей, которые вообще находятся в гораздо более опасной ситуации, чем автор статьи!..

Я думаю, что будет необходимо рассмотреть, совместно с НКТ, наши старые принципы, чтобы достичь согласия насчёт них и получить чёткое представление о позиции, которую занимает каждая из секций. Но после

того, как мы наладим общие связи, в которых все могут и хотят работать, будет необходимо провести некоторые изменения в уставе МАТ, определив на дальнейшее время границы свободы в выборе тактических методов для каждой секции»²¹.

Рюдигер особенно негативно воспринимал то, что иностранные анархисты критиковали решение испанцев сотрудничать с другими политическими группами в революции и гражданской войне:

“ «В тот момент было только два пути: либо диктатура, либо сотрудничество... Многие товарищи, ослеплённые ненавистью к нашим противникам, желают устранить и уничтожить всех, кто не входит в нашу организацию и не подчиняется ей. Хотя это объяснимо как психологическая реакция на преследования, которым мы подвергаемся, чувства мести и ненависти не могут проложить дорогу к социальному преобразованию. Удовлетворение этих инстинктов превратило бы нас в диктаторов, не более того»²².

Рюдигер также защищал решение испанских анархистов о милитаризации милиции:

“ «Наш антимилитаризм был основан на вере, что вооружённое восстание будет носить более или менее партизанский характер и продолжаться сравнительно короткий период. Но в Испании антифашистская борьба переросла в войну. Современное вооружение имеет свою логику. Оно требует определённых форм организации, которые позволяют использовать его эффективно... Профсоюзная жизнь основана на решениях общих собраний, война – на командовании и подчинении... Милитаризация колонн была необходимой... Вместо слепого отрицания того, что неизбежно, мы должны сделать всё возможное в наших же собственных интересах...»²³

Критика испанских анархистов Рюдигером

Однако, хотя в докладе на Чрезвычайном конгрессе МАТ Гельмут Рюдигер в целом поддержал позицию, занятую испанскими анархистами во время Гражданской войны, у него были собственные критические замечания по поводу их поведения, особенно в отношениях с иностранными товарищами. Некоторых из этих замечаний он включил в свой доклад.

Как мы уже отмечал, Рюдигер критически относился к нежеланию НКТ-ФАИ координировать через МАТ свою иностранную пропаганду. Он считал, что эти проблемы отражают общую изоляционистскую тенденцию среди испанских анархистов:

“ «В испанском движении есть небольшой избыток национальной исключительности, которая на деле нанесла большой вред. В других странах и движениях иностранных товарищей приветствовали с энтузиазмом... В Испании положение иностранных товарищей сильно отличалось»²⁴.

В связи с этим Рюдигер отмечал желание части испанских анархистов доминировать в международном анархическом движении:

“ «Мы всегда боролись против III Интернационала, говоря, что его секции – не независимые революционные организации, а иностранные легионы Москвы, инструменты российской внешней политики. НКТ борется в Испании против партии, которая с каждым днём увеличивает своё влияние и пытается поставить иностранный штамп на политической жизни страны. НКТ правильно говорит, что это противоречит интересам испанского пролетариата.

Но возможно, НКТ хочет, чтобы МАТ не была ничем иным, кроме как иностранным инструментом для отстаивания интересов НКТ? Нет, МАТ должна состоять из автономных секций, каждая из которых делает всё что может, чтобы породить революционный дух в собственной стране... Пролетариат в этих странах тысячу раз был одурачен и разочарован империалистическим “интернационализмом” Москвы. Мы должны избежать того, чтобы это повторилось от имени НКТ...»

Немецкий анархист также упрекнул своих испанских товарищей за недостаточное информирование их заграничных коллег:

“ «Именно НКТ должна снабжать иностранных товарищей аргументами, материалами и документами... а также удостовериться в том, что товарищи располагают верной информацией. НКТ должна показать миру не только то, что она верна своей прежней позиции, но и то, что её тактика и действия преследуют цели, которые согласуются с нашими конечными целями»²⁵.

Рюдигер критиковал ещё один аспект отношений испанских анархистов с неиспанскими – отсутствие поддержки тех иностранных товарищей, которые подверглись преследованию или высылке после Майских дней:

“ «Пока было время, ничего не сделали для того, чтобы дать этим товарищам испанское гражданство, и когда после Майских дней преследования резко усилились, они оказались полностью беззащитными и были оставлены в беде... Среди этих товарищей и среди иностранных товарищей вообще бытует мнение, что НКТ бросила своих заключённых – по крайней мере иностранных. Арестованные поумисты в Барселоне ежедневно получают еду от своей организации, тогда как арестованные из НКТ остались без какой-либо помощи. Зарубежные троцкисты используют этот факт в своей критике НКТ. НКТ должна понять, что при таком поведении ей будет сложно защитить свою репутацию в глазах мирового пролетариата»²⁶.

Рюдигер также подвергал критике отношения, развившиеся между испанскими анархистами и неанархическими элементами в других странах:

“ «НКТ ищет моральную и материальную поддержку; следовательно, в интересах движения – устанавливать как можно больше контактов за рубежом и использовать их с этой целью. По моему мнению, это понятно и даже необходимо для НКТ, но я хочу указать на то, что испанское движение должно заниматься этим правильно, если она хочет получить реальную помощь из других стран. Эта помощь может прийти к НКТ только за счёт укрепления, развития и создания независимых анархо-синдикалистских движений во всех странах, в соответствии с принципами МАТ. НКТ не должна думать, что она может создать сеть международных связей за пределами МАТ и обойти существующий анархо-синдикалистский интернационал».

Рюдигер предупреждал об опасности контактов с троцкистами и другими марксистскими группами, оппозиционными Коммунистическому Интернационалу: «Некоторые марксистские партии в оппозиции проявляют интерес к НКТ по той простой причине, что они считают возможным изменить направление НКТ и сделать её носителем своих идей, более или менее большевистских. НКТ должна остерегаться дружбы с голландской троцкистской партией или английской Независимой рабочей партией. Искушённые марксистские вожди, руководящие этими партиями, гораздо более умные политики, чем НКТ! Это будет катастрофой для НКТ и нашего интернационального движения, если они приобретут влияние на НКТ и начнут её эксплуатировать»²⁷.

Наконец, Рюдигер видел проблемы во внутрииспанской пропаганде, которая, по его мнению, не согласовывалась с либертарными идеями. Он осуждал «глупую и экзальтированную пропаганду за СССР, которую вела “Рабочая солидарность”, когда прибыло первое русское судно с продовольствием. Она продолжалась и зашла дальше, чем требует политическая ситуация. В “Морском ежедневнике” (Diaria de la Marina), газете портовых рабочих и моряков НКТ в Барселоне, 1 августа была опубликована статья “Мы должны помнить Ленина”. Эта статья не только нетерпима в свете идей, которые мы защищаем, но также идиотская во всех возможных отношениях».

Не одобрял он и отношение испанских анархистов к Мексике, единственной стране, кроме Советского Союза, которая помогала делу лоялистов. Он отмечал статью в «Рабочей солидарности», которая, по словам Рюдигера, изображала Мексику «идеальной демократией. Весь народ с энтузиазмом следует за своим лидером, генералом Карденасом. Национально-революционной партии принадлежит главная заслуга в этом чуде и т.д. Какое отношение этот идиотизм имеет к нашим идеям?.. Политическая ситуация не должна доводить нас до того, чтобы приносить в жертву свои взгляды, до идиотского прославления политических партий, одобрения авторитаризма и осквернения наших собственных идей»²⁸.

Различия в позиции иностранных анархистов

Реакция иностранных анархистов на то, что происходило в Испании, существенно различалась от человека к человеку и от группы к группе. Оценки варьировались от почти полного одобрения того, что делала НКТ-ФАИ, до обвинения испанских анархистов в измене своим собственным идеям и международному анархическому движению.

Хуан Гарсия Оливер обрисовал ситуацию с заграничной критикой в их адрес:

“ «Ядовитая пропаганда против испанских анархо-синдикалистов... исходила не только от правых, которые действовали во Франции и яростно боролись против нас, но и от французских анархических, синдикалистских и анархо-синдикалистских групп и группок, которые беспощадно набрасывались на нас за наше участие в правительствах Каталонии и республиканской зоны. Только группа “Либертарий” (Le Libertaire), включавшая Себастьяна Фора, Лекуана, Одеона и некоторых других, не сражалась с нами. Они не были полностью согласны с нашей позицией. Они терпели её и соблюдали корректность в своих комментариях»²⁹.

Алиса Уэкслер несколько иначе характеризует истоки и степень кампании иностранных анархистов против поведения НКТ-ФАИ в Гражданской войне: «Русские анархисты-

эмигранты в Париже и другие элементы, связанные с МАТ, долгое время поддерживали шквал критики против НКТ-ФАИ за её политику сотрудничества с республиканским правительством... Кроме того, анархисты-антимилитаристы в Голландии осуждали применение испанцами оружия, хотя они оказывали гуманитарную помощь, а некоторые американские товарищи угрожали развязать кампанию против “отступничества” лидеров НКТ-ФАИ»³⁰.

Однако были и другие иностранные анархисты, которые поддерживали своих испанских товарищей и их действия во время Гражданской войны. Мы уже отмечали поддержку, которую оказывал НКТ-ФАИ Гельмут Рюдигер в её спорах с оппонентами внутри МАТ.

Макс Неттлау, известный австрийский анархист, очевидно, был международным деятелем, оказывавшим самую некритическую поддержку своим испанским товарищам. Федерика Монсень спустя много лет вспоминала:

“Для Неттлау одолеть фашизм было чем-то настолько великим, настолько несравнимым в этом поверженном и трусливом мире, что только это одно было для него высшей ценностью. Он даже боялся за нас, боялся, что желание продвинуть революцию слишком далеко в конечном счёте окажется роковым для нас...”³¹

В другом месте Федерика Монсень писала о Неттлау: «Он был самый безоговорочный, самый страстный из наших друзей. Тот, кто никогда не спорил с нами, кто всегда защищал нас, даже когда мы делали вещи, заслуживавшие осуждения; кто на все критические замечания выдвигал один и тот же аргумент: “Мы не должны их критиковать, мы должны им помочь”»³².

Эмма Гольдман, русско-американская анархистка, которая сама была критическим сторонником испанских либертариёв, испытывала сомнения насчёт степени поддержки, которую оказывал им Макс Неттлау. Она писала своему другу, британскому анархисту Тому Беллу:

“Что касается Неттлау, то, я боюсь, он немного не в себе; он просто не может выразить ни малейшей оппозиции лидерам НКТ-ФАИ. Когда-то он, так же как и ты, высказывался за абсолютную свободу, которую должны практиковать анархисты, и против любых компромиссов с нашей стороны. Сегодня он одобряет все компромиссы. Он превратился в настоящего ревнителя, который готов сжечь каждого еретика у позорного столба. Он ненавидит нас, потому что мы не на 100 процентов одобряем всё, что сделано Монсень и Оливером...”³³

Наряду с Эммой Гольдман были другие критические сторонники – люди, которые не соглашались со всеми политическими решениями испанского анархического руководства, но тем не менее считали, что достижения испанской революции, необходимость выиграть гражданскую войну против сил Франко и принцип солидарности международного анархического движения достаточно важны, чтобы отказаться от открытой критики испанских анархистов, ослаблявшей их позиции во внутривнутриполитической борьбе в Республике. Среди них был Гастон Леваль.

Некоторые иностранные анархисты оказывали своим испанским коллегам скромную материальную помощь. Это в первую очередь относилось к шведской секции МАТ. Эмма Гольдман отмечала, что САК, насчитывавшая только 32 тысячи членов, собрала для НКТ 200 тысяч шведских крон (приблизительно 90 740 долларов)³⁴.

Роль Эммы Гольдман

После начала Гражданской войны НКТ-ФАИ создала отделения пропаганды в Париже, Лондоне и Нью-Йорке. Кроме того, она делегировала одного представителя в Мексику и одного в Уругвай, отправила трёх товарищей в пропагандистский тур по Центральной и Северной Америке и финансировала издательство в Аргентине³⁵.

Именно Эмме Гольдман НКТ-ФАИ поручила открыть официальное отделение пропаганды в Лондоне, после её первой поездки в революционную Испанию в октябре – декабре 1936 г. Препятствием была небольшая численность анархического движения в Великобритании, которое, по данным Алисы Уэкслер, насчитывало, «возможно, две или три сотни активистов». Гольдман пыталась организовать в Лондоне анархо-синдикалистский союз, но, хотя его еженедельные собрания «часто привлекали большую толпу», в нём никогда не было больше двадцати членов.

Алиса Уэкслер описывает деятельность Эммы Гольдман:

“ «Ей удалось провести серию митингов, посвящённых Испании, в январе – феврале 1937 г., которые принесли на удивление большой успех, с точки зрения публичного освещения, количества присутствовавших и собранных средств. Она также выступала за пределами Лондона, совершив поездки в Южный Уэльс, Плимут, Бристоль и Глазго, чтобы создать местные комитеты поддержки НКТ-ФАИ. В течение войны её митинги привлекали большие восторженные толпы по семьсот-восемьсот человек... По британским меркам это был заметный успех. К концу февраля 1937 г. ей удалось собрать 1 175 фунтов – в то время эквивалент примерно 5 000 долларов – для женщин и детей, эвакуированных из Мадрида (многие из них оказались в Барселоне), и ещё около 100 фунтов за следующие несколько недель»³⁶.

Эмма Гольдман также работала со студентом Верноном Ричардсом, издававшим двухнедельную газету «Испания и мир» (Spain and the World). Газета имела тираж около 2 000 экземпляров и «давала информацию об анархической Испании, которую трудно было получить откуда-либо ещё в Англии». Хотя её личные отношения с Ричардсом не всегда были гладкими, она писала статьи для его газеты, убедила Герберта Рида, анархического поэта и критика, делать то же самое и уговорила руководство НКТ-ФАИ субсидировать издание.

Помимо анархистов она тесно сотрудничала с лидерами Независимой рабочей партии (в то время являвшейся британским аналогом ПОУМ), особенно с её генсеком Феннером Брокуэем³⁷.

Эмма Гольдман продолжала свою деятельность в поддержку испанских анархистов до конца 1938 г. Среди прочего, она устроила участие анархистов в первомайском параде 1938 г., выступала в Уголке ораторов Гайд-парка и организовала выставку рисунков каталонских детей. Она также пыталась создать в Великобритании отделение гуманитарной анархической организации «Международная антифашистская солидарность», однако, хотя ей удалось привлечь в качестве официальных сотрудников таких людей, как Джордж Оруэлл, Хэвлок Эллис, Ребекка Уэст, Лоренс Хаусмен и Джон Купер Поуис, работа продвигалась не слишком успешно³⁸.

Через Эмму Гольдман испанские анархисты передавали свои сообщения англоязычному миру, когда представлялась такая возможность. Так, вскоре после Майских дней она написала длинное письмо в газету «The New York Times», которая называла анархистов ответственными за эти трагические события, и ясно дала понять, что барселонский кризис был спровоцирован «коммунистическим идолом и его приспешниками». Испанские анархисты опубликовали это письмо в полном объёме³⁹.

Эмма Гольдман испытывала серьёзные сомнения по поводу некоторых действий испанских анархистов и считала, что они не оказывают достаточного отпора преследованиям коммунистов. Однажды она обменялась письмами с Мариано Васкесом, секретарём Национального комитета НКТ, и Педро Эррерой из ФАИ, которые возражали против некоторых её статей с осуждением сталинистов, считая такие статьи неуместными для официального представителя НКТ и ФАИ⁴⁰. Однако она никогда не выражала своих сомнений в политике испанских анархистов на публике.

Гольдман присутствовала на конгрессе МАТ в Париже в декабре 1937 г., на котором обсуждался испанский вопрос. Она приехала на него, чтобы помочь испанским представителям изложить свою позицию перед движением. Выдержки из её выступления дают представление о поддержке, которую она оказывала испанским анархистам:

“Я склонна считать, что критики в наших рядах за пределами Испании были бы менее решительными в своих оценках, если бы они, как я, стояли ближе к этой смертельной борьбе НКТ-ФАИ, – но это не значит, что я

несогласна с их критикой. Я думаю, что они на 95 процентов правы. Несмотря на всё, я настаиваю, что независимое мышление и право на критику всегда были для нас, анархистов, предметом величайшей гордости и, более того, оплотом анархизма. Проблема наших испанских товарищей в том, что они отличаются чувствительностью к критике или даже советам любого товарища из-за границы. Но здесь им следовало бы понять, что критика вызвана не злым умыслом, а глубоким беспокойством за судьбу НКТ-ФАИ»⁴¹.

Затем Эмма Гольдман высказала, по крайней мере косвенно, свои сомнения относительно политики испанских анархистов:

“Испанское анархо-синдикалистское и анархическое движение до недавнего времени выступало за самое смелое осуществление всех наших мечтаний и надежд. Поэтому я не могу винить тех наших товарищей, которые видят в компромиссах испанских анархистов отказ от всего, чего они придерживались почти семьдесят лет. Естественно, у некоторых товарищей возникли опасения, и они стали кричать о том, что НКТ-ФАИ ступает на скользкую дорожку. Я знаю этих товарищей долгие годы. Они входят в число моих самых дорогих друзей. Я знаю, что столь критичными их делает революционная последовательность, а не какой-то скрытый мотив. Если бы наши испанские товарищи смогли понять это, они не проявляли бы такого возмущения, считая критиков своими врагами».

Но ещё более настойчиво она убеждала критиков испанских анархистов:

“Однако я боюсь, что критики также сильно ошибаются. Они не менее догматичны, чем испанские товарищи. Они безоговорочно осуждают каждый шаг, предпринятый в Испании. В своём сектантском отношении они упускают из виду побудительные мотивы, которые в наше время принимаются во внимание даже буржуазными судами. И всё же остаётся фактом, что никто не может судить человеческие поступки, пока не установит стоящие за ними мотивы.

Когда я указывала на это нашим товарищам-критикам, они утверждали, что Ленин и его партия также руководствовались лучшими намерениями и “посмотрите, во что они превратили революцию”. Я не могу увидеть даже самого отдалённого сходства. Ленин создал необъятную государственную машину, смертоносную диктатуру. С самого начала это обрекало на смерть Российскую революцию – в то время как НКТ-ФАИ не

только стремилась к либертарным экономическим преобразованиям, но и фактически проводила их в жизнь. С того самого момента, когда они изгнали фашистов и милитаристов из Каталонии, эта геркулесова задача никогда не оставлялась без внимания. Прodelанная работа, учитывая труднопреодолимые препятствия, была исключительной».

Наконец, Эмма Гольдман сделала особое обращение для русских анархистов:

“«Довольно странно, что те самые товарищи, которые во время гражданской войны в России объясняли каждый шаг диктатуры “революционной необходимостью”, теперь являются самыми непреклонными оппонентами НКТ-ФАИ. “Мы извлекли урок из Российской революции”, – говорят они. Но поскольку никто ничему не учится на опыте других, мы должны, нравится это нам или нет, дать нашим испанским товарищам найти своё направление через свой собственный опыт. Очевидно, что наша плоть и кровь не меньше заслуживает той терпеливой помощи и солидарности, которую некоторые из нас великодушно оказывали нашим заклЯтым врагам, коммунистам»⁴².

Эмма Гольдман также присутствовала на Национальном пленуме региональных организаций Либертарного движения в Барселоне в октябре 1938 г., который фактически стал последним общенациональным форумом анархистов во время Гражданской войны. Хотя в личных беседах с участниками пленума она сочувствовала критике ФАИ в отношении Национального комитета НКТ, она не высказывалась по этому поводу публично⁴³.

Поездка Гарсии Оливера и Монсень во Францию в июне 1937 г.

В конце июня 1937 г. представительство НКТ-ФАИ в Париже решило провести массовый митинг на спортивной арене «Вель д’Ив». Ставилась задача разъяснить позицию испанских анархистов не только широкой публике, но также французским и другим анархистам, находившимся в Париже. На митинг в качестве основных ораторов были приглашены Хуан Гарсия Оливер, Федерика Монсень, Бенито Павон и Давид Антона.

Если верить Гарсии Оливеру, выступление испанцев на этом митинге стало разочарованием. Прежде всего, двое из ораторов, Павон и Антона, не знали французского, и их речи на испанском, хотя и сопровождались «вежливыми аплодисментами», явно не были понятны большинству присутствующих.

Однако «Федерику и меня, говоривших по-французски – слишком плохо для полной уверенности, – пытались сбить с толку оскорбительными прерываниями. Им это не удалось, и мы оба в деталях рассказали о нехватке международной помощи, которую мы испытывали с начала борьбы в Испании. Мы не говорили ни о материальной помощи, ни о бойцах, только о полном отсутствии энергичных международных действий в поддержку испанского антифашистского дела, с митингами солидарности, демонстрациями протеста, стачками в портах и на транспорте. Хорошо ли, плохо ли, нам удалось сорвать планы тех, кто пришёл помешать митингу, и донести свой голос».

Гарсия Оливер характеризует отношение, с которым сталкивались испанские анархисты за границей: «Профашисты нападали на нас и оскорбляли нас. Прокоммунисты нападали на нас и оскорбляли нас. Поклонники буржуазного режима боролись против нас. И нас атаковали, оскорбляли, чернили члены великого множества анархических группок. Кто же защищал нас?»⁴⁴

Вскоре после поездки Гарсии Оливера и Монсень в Париж Мариано Васкес, секретарь Национального комитета НКТ, выпустил обращение «Об отношении испанского анархизма к его недоброжелателям», предназначенное для иностранных анархистов – критиков НКТ-ФАИ. Помимо прочего, он писал:

“ «...Вы, кто говорит о наших компромиссах и нарушении принципов, должны раз и навсегда понять, что испанские анархисты не виноваты в том, что не существует международного анархического или анархо-синдикалистского движения, способного дать нам поддержку, в которой мы нуждаемся. Оставьте нас в покое, друзья, и позвольте нам идти своим путём. Проявите немного доверия к нам, кто был душой международного анархизма; кто вёл нескончаемую борьбу против государства; кто не может быть под подозрением, если вспомнить о нашей прошлой борьбе и жертвах»⁴⁵.

Декабрьский конгресс МАТ 1937 года

Визит четырёх лидеров испанских анархистов в Париж в июне 1937 г. также должен был подготовить почву для конгресса Международной ассоциации трудящихся, прошедшего здесь же в декабре того же года. Испанский вопрос был главной темой в повестке этого конгресса.

Испанские анархисты подготовили для этого конгресса обширный доклад, который не только излагал историю испанского анархизма, но и подробно объяснял проблемы и политику испанского движения во время Гражданской войны.

Документ начинался с обсуждения Испанской региональной рабочей федерации, современницы Первого Интернационала, и затем рассматривал эволюцию испанского

анархического движения вплоть до создания НКТ⁴⁶. Далее прослеживалось развитие НКТ до начала Гражданской войны⁴⁷.

Однако главное внимание в докладе НКТ было уделено объяснению и защите политики, которой следовали испанские анархисты во время Гражданской войны. Утверждалось, что в дни военного мятежа 18–19 июля «во всей свободной Испании НКТ проявила такой дух и опыт борьбы, к которым не могли приблизиться остальные антифашистские секторы. Без самопожертвования НКТ фашизм одержал бы полную победу в течение семидесяти двух часов по всей национальной территории. Там, где мятежники победили, это произошло потому, что НКТ осталась в одиночестве, и потому, что провинциальные и муниципальные власти и полицейские силы правительства либо заняли пассивную позицию, либо открыто перешли к мятежникам. Никто, кроме наших людей, не вышел на улицы, чтобы сражаться с армией, которая три года обучалась тактике государственного переворота...»⁴⁸

Далее доклад НКТ описывал ситуацию, возникшую сразу после подавления первоначального мятежа в половине страны:

“ «В Каталонии НКТ была бесспорным хозяином региона. Фабрики, торговля, банковское дело, жильё, оружие, общественный порядок – всё было под её контролем. Она организовала колонны, которые открыли фронт в Арагоне, освободив половину Арагонского региона и заняв позиции в нескольких километрах от Сарагосы. Но НКТ, верная своим идеалам и своей чисто анархической природе, не нападала на учреждения государства и не пыталась открыто проникнуть в них или подчинить себе. Президент Хенералидада оставался на своём посту, и ни один из политических или юридических институтов не был упразднён. НКТ проявила вдумчивую сознательность, находясь перед непростым выбором: либо полностью разрушить государство в Каталонии, объявить войну мятежникам, правительству, иностранному капиталу и, таким образом, установить полный контроль над каталонским обществом; либо разделить ответственность за правительство с другими антифашистскими фракциями. В Леванте произошло нечто подобное, хотя здесь и не было такой исключительно сэнэтистской тенденции. В значительной части свободной Андалусии НКТ также была преобладающим элементом. В Гипускоа, Сантандере и Астурии была значительная масса бойцов, компетентность которых в совместных военных действиях никем не может оспариваться»⁴⁹.

Доклад объяснял, почему анархисты решили сотрудничать, вместо того чтобы навязывать свою волю остальной Республике.

По поводу Каталонии говорилось:

«Мы были настолько грозной организованной силой и имели в своих руках такую полноту власти, что если бы мы пожелали, то мы могли бы установить анархический тоталитарный режим простым мановением пальца, но мы знали, что революция, находящаяся исключительно в наших руках, истощила бы свои силы и что за границей анархисты не предоставили бы нам необходимую помощь – и мы не могли ожидать подобной помощи. Мы, следовательно, столкнулись с выбором: либо самоубийство анархического движения, смерть революции и поражение в войне, либо разделение ответственности за революцию и войну с другими антифашистскими секторами, более умеренными, что означало создание правительства»⁵⁰.

Доклад отмечал слабость анархистов в силу первоначального триумфа мятежников в ключевых пунктах:

“ «С политической, географической и военной точек зрения анархическое движение 19 июля понесло три важнейших потери, которые своей тяжестью давили на вопрос о значимости нашей роли. Севилья, фактическая столица Андалусии, пала перед фашизмом; Сарагоса, служившая столицей анархистов и НКТ и воротами на Север, также пала. Подобно им, была завоёвана и Галисия, и хотя её важность не кажется выдающейся, она имела значение как плацдарм для удушения Астурии и Севера. Если мы посмотрим на карту Испании, то мы увидим, насколько бы отличались условия борьбы против фашизма, если бы анархические и сэнэтистские регионы, такие как Андалусия, Арагон и Галисия, не уступили врагу. Мы сможем увидеть, что тогда было бы не так легко перебросить войска из Марокко; патронные и пороховые заводы Севильи, Кордовы и Гранады находились бы в нашей власти...»⁵¹

“ «Перед нами была нерадостная картина. Было невозможно установить либертарный коммунизм, потому что большинство населения не понимало его, и при этом у нас не было в изобилии продуктов, необходимых для справедливого распределения богатства. Кроме того, необходимость сосуществования с другими секторами, приверженными буржуазному мышлению или крайне робким социалистическим идеям, заставляла нас быть осторожными в проведении своей программы, которая несла угрозу новой гражданской войны»⁵².

Доклад НКТ отвергал утверждение некоторых иностранных анархистов, что примирительное отношение испанских анархистов было результатом проникновения

“ «Говорят, что внедрившиеся коммунисты определили линию, которой следует НКТ. Мы достаточно прозрачны в своих отчётах и можем сказать во всеуслышание, что все секции, все делегаты, присутствующие на конгрессе, должны понимать, что Коммунистическая партия не имеет никакого влияния в НКТ, и даже думать об этом было бы оскорблением, если бы это не было настолько нелепо... Если НКТ и испанский анархизм придерживались всем известной линии, то это объяснялось обстоятельствами, в которых они оказались, а не влиянием других групп.

Спокойный анализ обстановки и здравый смысл наших активистов, которые не перестали быть анархистами, заставили нас сделать то, что мы могли, а не то, чего мы должны были хотеть, или то, о чём мечтали иностранные товарищи. Нам приходится работать в Испании, работать не с иллюзиями, теориями или рукописями, а с неприглядной и кровавой действительностью, которая определила, что мы сделали, и определит, что мы сможем продолжать делать. Поэтому отбросьте всякую мысль о том, что испанский анархизм и НКТ находились под влиянием теорий диктаторского марксизма. Мы делаем то, что мы можем. Но то, что мы сделали, является плодом твёрдых убеждений, пришедших в соприкосновение с атмосферой реальности»⁵³.

Доклад также защищал участие анархистов в правительствах различного уровня:

“ «Весь народ горячо желал, что НКТ временно оставила свою идеологическую позицию и участвовала в правительстве. Фактически во всех городах и провинциальных центрах НКТ являлась частью официальных органов, в комитетах Народного фронта, в комитетах антифашистской милиции... в старых муниципалитетах и провинциальных администрациях, в судах, в управлении тюрьмами, в полицейских участках, в борьбе. Это явление было стихийным, неконтролируемым, превосходящим всякие желания пуританской изоляции, которые мы до недавнего времени разделяли. Революционные действия масс НКТ не сдерживались ни сомнениями, ни более или менее теоретическими аргументами... Вопрос был в том, как победить фашизм, используя все возможные средства, и мы действовали с такой живостью ума и удивительной интуицией, которые поразили остальных антифашистов. Нам не оставалось ничего, кроме как открыто участвовать в правительстве, и это было необходимо, чтобы поднять мораль бойцов и усилить борьбу и надежды на победу. Именно так понимала ситуацию наша организация, а также испанский народ, который радостно

приветствовал наше временное вхождение в государство»⁵⁴.

Наконец, испанские анархисты подчеркнули свою приверженность принципам международной солидарности. Они отметили, что двое португальских анархистов обратились в Национальный комитет НКТ в октябре 1936 г., а впоследствии несколько преследуемых португальских республиканцев заявили, что готовы сотрудничать с НКТ в подготовке восстания против режима Салазара, и НКТ оказала им экономическую помощь для этой цели. Представители Всеобщей конфедерации труда, подпольной португальской анархической профсоюзной группы, также попросили НКТ о поддержке, которую та согласилась предоставить⁵⁵.

НКТ также отмечала, с начала Гражданской войны она обещала всячески поддерживать борьбу за независимость Испанского Марокко, как во время Гражданской войны, так и в случае победы лоялистов. Все каталонские организации – НКТ, ФАИ, «Левые республиканцы Каталонии», «Каталонское действие», Союз рабасайрес, ОСПК, ВСТ, ПОУМ – согласились признать независимость Марокко после войны. Этот документ также был подписан двумя арабскими представителями. НКТ имела своих подпольщиков в Танжере и других марокканских городах⁵⁶.

Наконец, доклад НКТ жаловался на нападки иностранных анархистов. В нём отмечалось, что 16 августа 1937 г. Мариано Васкес направил секретарю МАТ протест против нападков на НКТ в иностранной анархической прессе и попросил остановить их. 15 октября Васкес снова написал секретарю, протестуя против статьи в «Синдикалистской борьбе», официальном органе французской секции МАТ – Революционно-синдикалистской всеобщей конфедерации труда, которая утверждала, что представители НКТ вели переговоры с диссидентскими коммунистическими партиями о создании нового Интернационала. В очередной раз Васкес попросил секретаря сделать что-нибудь, «чтобы прекратить подобную безответственность и недобросовестность». Доклад повторял требование, чтобы РСВКТ перестала нападать на НКТ, и говорил, что МАТ является дисциплинированной организацией, которая следует решениям большинства, и поэтому должна призвать РСВКТ к ответственности⁵⁷.

Дебаты на декабрьском конгрессе МАТ 1937 г. были весьма бурными. Тем не менее испанские анархисты добились многого из того, что они хотели. Одно из решений конгресса гласило:

“ «Предоставить НКТ свободу продолжать, в соответствии со своим планом и под собственной ответственностью, тот эксперимент, который сейчас идёт полным ходом. Как следствие этого решения, конгресс призывает все секции МАТ помогать НКТ в её миссии теми средствами, которые они считают наиболее подходящими для ситуации в их странах, чтобы обеспечить, так скоро, как только возможно, победу в антифашистской войне и победу Социальной Революции в Испании»⁵⁸.

Другая резолюция, согласно Дэвиду Портеру, «предписывала прекратить всякую критику политики НКТ-ФАИ в публично распространяемых публикациях движения. Это решение было принято, несмотря на очень острую критику позиции НКТ со стороны различных делегатов конгресса... В результате газеты, которые ранее были критично настроены, такие как “Синдикалистская борьба” (Le Combat Syndicaliste) и “Новая Испания” (Espagne Nouvelle), резко сменили свой тон. Кроме того... критики, такие как Волин, Шапиро и Прюдоммо, весь следующий год хранили молчание на публике...»⁵⁹

В 1938 г. прошёл ещё один конгресс МАТ, где были сделаны дальнейшие уступки испанцам. Конгресс внёс поправки в основные документы МАТ, признав за национальными секциями право использовать, не отказываясь от основных принципов и целей МАТ, тактику, которую они считают наилучшей в их специфической ситуации⁶⁰. В частности, «дополнительная статья» Декларации принципов МАТ гласила:

“Верная своим федералистским традициям, МАТ предоставляет своим секциям широкую автономию борьбы за наши конечные цели. Методы могут меняться, но сущность и конечные цели должны быть теми же»⁶¹.

Заключение

Трудности, с которыми испанские анархисты сталкивались во время Гражданской войны, в защите революции, своих организаций и самих себя от сталинистов и их союзников внутри Испании, усугублялись тем фактом, что они не могли опереться на поддержку влиятельной международной организации, какую оказывали коммунистам Коминтерн и СССР. Таким образом, они были лишены средств для того, чтобы, с одной стороны, распространять информацию о революции, которую они осуществляли на начальном этапе Гражданской войны; и с другой – чтобы предать гласности притеснения, которым они подвергались со стороны коммунистов, особенно после Майских дней 1937 г. В целом, они не получали практически никакой материальной помощи от своих иностранных товарищей.

Однако ещё более досадным, с точки зрения испанских анархистов, был тот факт, что они не могли рассчитывать даже на солидарную морально-политическую поддержку международного анархического движения (хотя и малочисленного). Почти с самого начала Гражданской войны испанские анархисты страдали от критики и даже обвинений со стороны иностранных анархистов, которые не могли простить им то, что они поступились либертарными принципами ради интересов войны.

Испанские анархисты были правы, указывая, что их критикам в международном движении никогда не приходилось применять свои принципы на практике, а тем более в таких обстоятельствах, когда они осуществляли революцию в разгар гражданской войны и должны были сотрудничать с другими политическими группами, сражавшимися на одной стороне с ними. Однако в более широком смысле полемика между испанскими анархистами и многими их иностранными критиками подчёркивала то затруднительное положение, в

котором оказалась организация анархистов, в принципе выступавшая против самого понятия власти, но получившая эту власть вследствие непредвиденных обстоятельств.

3. Известные испанские анархисты периода Гражданской войны

Хотя революция в республиканской Испании в значительной степени была делом широких масс, некоторые выдающиеся лидеры анархистов играли важную роль в военном, экономическом и политическом аспектах войны и революции. Список, приведённый ниже, нельзя считать абсолютно полным, но он позволит читателю сориентироваться в тех именах, которые чаще всего появляются в этой книге.

Диего Абад де Сантильян

(Diego Abad de Santillán), настоящее имя Синесио Гарсия Фернандес (Sinesio García Fernández) — много лет прожил в Аргентине, где был активным участником анархического движения; вернулся в Испанию незадолго до начала Гражданской войны и стал одним из главных лидеров ФАИ. Некоторое время занимал должность советника по экономике в каталонском правительстве. Сыграл важную роль во время Майских дней 1937 г., уговаривая анархистов сложить оружие, хотя позднее сожалел об этом. Впоследствии на недолгое время отошёл от участия в политике и в этот период опубликовал книгу «Революция и война в Испании», где защищалась позиция анархистов и резко критиковались сталинисты и другие противники анархистов. (В другой своей книге «Почему мы проиграли войну» он удивлялся тому, что правительство Негрина не преследовало его за эту работу.) Был одной из ведущих фигур Полуостровного комитета ФАИ, неоднократно критиковавшего примирительное отношение руководства НКТ к правительству Негрина в 1938 г. В это же время являлся представителем ФАИ в Национальном комитете Народного фронта. После падения Республики вернулся в Аргентину, где более 30 лет успешно работал в качестве автора, редактора и издателя. Вернулся в Испанию незадолго до своей смерти в 1983 г.

Рамон Альварес

(Ramón Álvarez) — один из главных лидеров анархистов в Астурии; был членом Военного комитета, созданного анархистами в Хихоне после начала конфликта, и продолжал активно работать в правительстве Астурии и Леона до разгрома республиканских сил в этом регионе в октябре 1937 г. Впоследствии был основным помощником Сегундо Бланко, ставшего членом правительства Негрина в апреле 1938 г.

Доминго Аскасо

(Domingo Ascaso) — до начала Гражданской войны являлся членом анархической группы «Мы» вместе со своим братом Франсиско, который погиб во время боёв в Барселоне 20 июля 1936 г. Он организовал и возглавил одну из первых анархических колонн милиции, которая отправилась из Барселоны сразу после начала войны, чтобы отвоевать Арагон для Республики. В дальнейшем эта колонна стала 149-й бригадой Народной армии.

Хоакин Аскасо

(Joaquín Ascaso) — кузен Франсиско и Доминго Аскасо, довоенный лидер анархистов в Сарагосе; занимал должность главы Совета Арагона, созданного вскоре после начала Гражданской войны, вплоть до его роспуска правительством Негрина в июле 1937 г. После этого был арестован и обвинён в различных злоупотреблениях, однако обвинения вскоре были сняты, и он был освобождён.

Хайме Балиус

(Jaime Balius) — анархический журналист, который до майских событий 1937 г. в Барселоне был известен главным образом как автор радикальных статей в мадридской анархической газете «НКТ». Являлся главой группы «Друзья Дуррути» — диссидентского элемента НКТ, во время Майских дней призывавшего анархистов и ПОУМ захватить власть и продолжавшего издавать подпольную газету некоторое время после майского кризиса в Каталонии. «Друзья Дуррути» были осуждены НКТ и ФАИ и никогда не являлись значительной силой внутри анархического движения.

Сегундо Бланко

(Segundo Blanco) — наиболее выдающийся лидер астурийских анархистов. Он возглавлял Военный комитет, созданный ими в Хихоне сразу после начала войны, и впоследствии стал первым заместителем председателя Межпровинциального совета Астурии и Леона. Незадолго до падения Астурии он отправился в Валенсию, чтобы убедить правительство Негрина оказать помощь отрезанному республиканскому региону. В апреле 1938 г. он стал единственным представителем анархистов в правительстве Негрина, как министр образования и здравоохранения, и продолжал занимать этот пост до свержения режима Негрина в начале марта 1939 г.

Эдуардо Валь

(Eduardo Val) — в течение всей войны был главой Комитета обороны Центра НКТ. На начальном этапе конфликта занимался формированием анархической милиции, при участии которой были освобождены города в центральной части страны. В дальнейшем играл ключевую роль в обеспечении анархических войск на Мадридском фронте оружием и снаряжением, в организации медицинской и других тыловых служб, а также в политическом руководстве командирами-анархистами. В конце войны стал членом Национального совета

обороны (который отстранил от власти правительство Негрина), ответственным за связь и общественные работы.

Эухенио Вальехо

(Eugenio Vallejo) — до начала Гражданской войны лидер рабочих-металлистов НКТ. С началом конфликта был назначен ответственным за создание военной промышленности в Каталонии. Работал в тесном сотрудничестве с премьер-советником Таррадельясом, который оценивал его работу по переводу заводов и мастерских на военное производство как исключительную. Он и Таррадельяс безуспешно пытались предотвратить переход контроля над каталонской войной промышленностью к республиканскому правительству Негрина.

Мариано Р. Васкес

(Mariano R. Vázquez), также известный как Марианет (Marianet) — к началу Гражданской войны был региональным секретарём НКТ Каталонии. Через несколько месяцев, после отставки Орасио Прието, был избран секретарём Национального комитета НКТ и оставался на этом посту до конца войны. Решительно поддерживал компромиссы НКТ с её соперниками внутри республиканского лагеря, в особенности участие в правительстве Хуана Негрина, за что подвергался критике со стороны лидеров ФАИ и оппонентов внутри НКТ. После падения Каталонии бежал во Францию. Через несколько месяцев после окончания войны утонул в результате несчастного случая, который вызывал подозрения у некоторых из его товарищей-анархистов.

Хуан Гарсия Оливер

(Juan García Oliver) — член группы «Мы»; на региональном пленуме 23 июля 1936 г. безуспешно призывал анархистов официально взять власть в Каталонии. Впоследствии стал членом Главного совета антифашистской милиции, ответственным за вооружённые силы, и фактически являлся председателем данного органа. Когда анархисты официально вошли в каталонское правительство, стал субсекретарём при советнике по обороне, сохранив за собой руководство каталонской милицией. Позднее, в начале ноября, стал одним из четырёх министров-анархистов в республиканском правительстве Франсиско Ларго Кабальеро, как министр юстиции и член малого Военного совета. Являлся одним из первых сторонников милитаризации милиции среди анархистов и, по всей видимости, вместе с Ларго Кабальеро выработал условия, на которых она должна была проводиться. Установил более близкие отношения с Ларго Кабальеро, чем другие министры-анархисты. Играл ключевую роль в попытках убедить рабочих Барселоны сложить оружие во время Майских дней 1937 г. В апреле 1938 г., когда Негрин предложил НКТ место в своём кабинете, Гарсия Оливер не позволил включить его имя в список из трёх кандидатов для рассмотрения премьер-министром. Согласно источникам, именно по его предложению был создан Исполнительный комитет Либертарного движения Каталонии. Дважды – в том числе во время конгресса МАТ в декабре 1937 г. – ездил в Париж, чтобы объяснить международному движению действия испанских анархистов и добиться их поддержки. В период диктатуры Франко являлся ведущей фигурой в испанской анархической эмигрантской группе в Мексике.

Хесус Гонсалес Мало

(Jesús González Malo) — до начала Гражданской войны был лидером портовых рабочих НКТ в Сантандере. Когда началась война, возглавил рабочих НКТ, которые совместно с гражданскими и штурмовыми гвардейцами подавили мятеж в этом регионе. Впоследствии стал основным командующим сантандерской милиции, сражавшимся против войск генерала Молы. В период диктатуры Франко был основным лидером испанских эмигрантов-анархистов в Нью-Йорке.

Хосе Хуан Доменек

(José Juan Domenech1) — организатор Комитета снабжения при Центральном комитете антифашистской милиции Каталонии; после вхождения анархистов в каталонский Хенералидад занял должность советника по снабжению. После кризиса в каталонском правительстве в декабре 1936 г. стал советником по общественным службам и находился на этом посту до Майских дней 1937 г.

Буэнавентура Дуррути

(Buenaventura Durruti) — до Гражданской войны член анархической группы «Мы»; организовал и возглавил первую каталонскую анархическую колонну милиции и отвоевал для Республики значительную часть южной половины Арагона, но потерпел неудачу при попытке вернуть Сарагосу. Когда в ноябре 1936 г. началась оборона Мадрида, он собрал и возглавил подкрепление из каталонской милиции, отправленное на помощь столице. Здесь он был смертельно ранен 19 ноября, и на его похороны в Барселоне, проходившие несколько дней спустя, явились выразить свою скорбь сотни тысяч человек.

Лоренсо Иньиго

(Lorenzo Íñigo) — в начале Гражданской войны лидер «Либертарной молодёжи» в Мадриде; стал её представителем в Совете обороны, организованном для управления гражданскими делами в Мадриде после отъезда республиканского правительства из города. Внёс большой вклад в организацию военной промышленности старой столицы.

Франсиско Исглеас

(Francisco Isgleas) — в начале войны организовал комиссариат береговой обороны в провинции Херона под началом Главного совета милиции Каталонии. После декабрьского кризиса 1936 г. в каталонском правительстве стал советником по обороне. Во время майских событий 1937 г. он отсутствовал, и каталонскими войсками руководил его заместитель, сэнэтист Хуан Молина. Перед захватом Каталонии силами Франко занимал должность регионального секретаря НКТ.

Андрес Капдевила

(Andrés Capdevila) — первый делегат-председатель Совета экономики; также занимал должность советника по экономике Хенералидада в течение нескольких месяцев перед Майскими днями. После этого он вернулся на пост делегата-председателя Совета экономики; позднее его место занял советник по экономике сталинист Хуан Коморера, однако он оставался членом Совета до окончания войны в Каталонии.

Ихинио Карросера

(Higinio Carrocera) — выдающийся военачальник-анархист в Астурии. Первоначально рабочий-металлист, он организовал одно из первых подразделений милиции в регионе. Стал бригадным командиром Народной армии, был награждён медалью Свободы за командование республиканскими войсками, сопротивлявшимися наступлению сил генерала Молы из Сантандера в Астурию. Диего Абад де Сантильян называл его «настоящим героем».

Хуан Лопес Санчес

(Juan López Sánchez) — член национального комитета трейнтистов, отколовшихся от НКТ в начале 1930-х; после воссоединения на Сарагосском конгрессе в мае 1936 г. стал важнейшим лидером НКТ в Валенсийском регионе. После начала Гражданской войны вошёл в состав Народного исполнительного комитета Валенсии. Когда анархисты вошли в правительство Франсиско Ларго Кабальеро, Лопес получил должность министра торговли. Во время своего пребывания на посту делал всё возможное, чтобы помочь анархическим коллективам получить сырьё из-за границы и поддержать организацию НКТ-ВСТ, которая занималась экспортом цитрусовых из Леванта. После ухода из правительства отправился в широкий пропагандистский тур по Америке, пытаясь добиться поддержки для испанских анархистов и республиканского дела в целом. После возвращения был последним национальным секретарём НКТ в центрально-южном регионе после падения Каталонии.

Авелино Г. Мальяда

(Avelino G. Mallada) — один из основных либертарных лидеров в Астурийском регионе. В период диктатуры Примо де Риверы некоторое время являлся секретарём Национального комитета НКТ, размещавшегося в Хихоне. Перед началом Гражданской войны был издателем газеты «НКТ» в Мадриде, но вскоре вернулся в родной регион. Большую часть войны на Севере был главой муниципалитета (алькальдом) в Хихоне, где начал реконструкцию отдельных частей города, впоследствии продолженную режимом Франко. После падения Северного фронта был отправлен в пропагандистскую поездку по США, где погиб в результате дорожного происшествия ещё до окончания Гражданской войны.

Франсиско Марото

(Francisco Maroto) — основной лидер анархистов в Малаге. В начале Гражданской войны организовал одну из главных частей милиции, действовавших в этом регионе. После взятия Малаги силами Франко был арестован, обвинялся в том, что поддерживал контакт с врагом и способствовал падению города. Его дело вызвало большой резонанс, как пример преследования анархического лидера сталинистами и их союзниками. В итоге был оправдан

и освобождён.

Валерио Мас

(Valerio Mas) — до Гражданской войны лидер текстильных рабочих НКТ в Каталонии. После начала войны стал делегатом НКТ в Совете снабжения, который возглавлялся сэнэтистом Хуаном Доменеком и действовал под руководством Центрального комитета милиции. Позднее стал региональным секретарём НКТ Каталонии и занимал этот пост к началу Майских дней 1937 г. Во время кризиса вошёл в переходное каталонское правительство, где руководил департаментами экономики, общественных служб и здравоохранения; эта администрация сложила полномочия в конце июня 1937 г., после чего анархисты были вынуждены покинуть региональное правительство.

Сиприано Мера

(Cipriano Mera) — к началу войны был лидером профсоюза строителей НКТ в Мадриде и находился в тюрьме за участие в забастовке. После освобождения организовал колонну милиции, которая вернула Куэнку и её окрестности под контроль Республики. Впоследствии его соединение сыграло важную роль в обороне Мадрида, в особенности во время сражения при Гвадалахаре. Был решительным сторонником милитаризации милиции в рядах анархистов. К концу войны стал командующим IV армейского корпуса, дислоцированного в районе Мадрида. Участвовал в заговоре, который привёл к свержению просталинского правительства Хуана Негрина и созданию Национального совета обороны в начале марта 1939 г.; войска под его командованием подавили выступление коммунистов, пытавшихся помешать Совету взять власть.

Фидель Миро

(Fidel Miró) — главный лидер Иберийской федерации либертарной молодёжи (ФИХЛ) в течение большей части Гражданской войны. От имени ФИХЛ заключил пакт с молодёжной организацией ПОУМ, а затем – аналогичное соглашение со сталинистской «Объединённой социалистической молодёжью». В конце Гражданской войны являлся секретарём Исполнительного комитета Либертарного движения Каталонии. В период диктатуры Франко был одним из лидеров группы испанских анархистов в Мексике.

Хуан Мануэль Молина

(Juan Manuel Molina), также известный как Хуанель (Juanel) — ведущая фигура в ФАИ перед Гражданской войной, секретарь её Полуостровного комитета и редактор её газеты «Земля и свобода». В первые недели войны был агентом по закупкам каталонского правительства во Франции, где ему удалось приобрести для Республики некоторое количество оружия и военных материалов. После кризиса каталонского правительства в декабре 1936 г. стал субсекретарём при советнике по обороне Франсиско Исглеасе, также состоявшем в НКТ. Во время Майских дней в Барселоне руководил вооружёнными силами Каталонии, но по требованию республиканского правительства передал командование генералу Посасу, с согласия Регионального комитета НКТ. Позднее в течение года занимал должность

регионального секретаря НКТ.

Федерика Монсень

(Federica Montseny) — дочь Федерико Уралеса и Соледад Густаво, ведущих анархических публицистов, редакторов и теоретиков. Являлась одним из основных лидеров ФАИ и имела репутацию хорошего оратора. Когда анархисты вошли в республиканское правительство Франсиско Ларго Кабальеро, стала одним из четырёх членов НКТ-ФАИ в его кабинете, как министр здравоохранения и социального обеспечения. Она и Хуан Гарсия Оливер (тогда министр юстиции) были отправлены кабинетом Ларго Кабальеро для прекращения гражданского конфликта во время Майских дней в Барселоне, где они решительно призывали своих товарищей сложить оружие. Во время суда над лидерами ПОУМ в конце 1938 г. выступала в качестве одного из свидетелей защиты. После захвата Каталонии силами Франко отправилась в эмиграцию, стала одним из лидеров радикальной (ортодоксальной) фракции анархистов, которая выступала против компромиссов с другими политическими элементами в испанском эмигрантском сообществе и ретроспективно критиковала компромиссы анархистов во время Гражданской войны.

Антонио Ортис

(Antonio Ortiz) — один из первых каталонских анархических лидеров, участвовавших в организации колонн милиции для возвращения Арагона. Оставался одним из главных военачальников в Арагоно-Каталонском регионе большую часть Гражданской войны.

Хосе Пейратс

(José Peirats) — лидер ФИХЛ в каталонском провинциальном городе Лерида во время Гражданской войны. Выпускал там периодическое издание, выступавшее против участия в республиканском правительстве и других принципиальных уступок анархистов. Хотя во время войны не являлся одним из главных лидеров анархистов, приобрёл большую известность как открытый оппонент «коллорабационистской» политики, которой придерживались анархисты во время конфликта. В эмиграции написал трёхтомный труд об участии НКТ в войне и ряд других работ по истории испанского анархизма.

Хуан Пейро

(Juan Peiró) — до Гражданской войны долгое время являлся руководителем кооперативного предприятия по производству изделий из стекла в Матаро, Каталония. Кроме того, был влиятельным лидером НКТ в 1920-е и начале 1930-х и важной фигурой в трейнистской оппозиции в НКТ. Когда анархисты вошли в правительство Франсиско Ларго Кабальеро, был назначен министром промышленности. Главной его заслугой на этом посту были инициативы по финансированию некоторых городских коллективов, созданных анархистами в различных частях лоялистской Испании. После исключения анархистов из республиканского правительства вернулся к работе в стекольном кооперативе. После падения Каталонии бежал во Францию; был выдан франкистским властям вишистским режимом и казнён после отказа работать в профсоюзной системе режима Франко.

Орасио М. Прието

(Horacio M. Prieto) — к началу Гражданской войны являлся секретарём Национального комитета НКТ. Был основным инициатором вхождения анархистов в правительство Франсиско Ларго Кабальеро, но ушёл со своего поста вскоре после того, как это произошло. Впоследствии стал одним из основных сторонников постоянного участия анархистов в государственных делах; выдвигал идею превращения ФАИ в политическую партию Либертарного движения, находящуюся в таких же отношениях с НКТ, как Социалистическая партия с ВСТ. В период диктатуры Франко стал министром республиканского правительства в изгнании Хосе Хираля, тем самым спровоцировав раскол в испанской анархической эмиграции.

Антонио Росадо

(Antonio Rosado) — довоенный лидер крестьян-анархистов в провинции Севилья; во время Гражданской войны организовал и возглавил Региональную федерацию крестьян Андалусии. Поощрял организацию крестьянских коллективов в южных районах республиканской Испании, пытался помочь им стандартизировать свою документацию и операции и получить юридическое признание. Организовал в значительных объёмах обмен продуктов андалусских коллективов на товары из других частей Испании. Вероятно, самый важный гражданский лидер анархистов в данной части Республики во время войны. Много лет спустя написал воспоминания о своём опыте военного времени.

Рикардо Санс

(Ricardo Sanz) — единственный член группы «Мы», остававшийся в Испании во время диктатуры Примо де Риверы. В начале Гражданской войны работал в Отделе обороны Центрального комитета милиции, затем в Департаменте обороны каталонского правительства. После гибели Буэнавентурры Дуррути в ноябре 1936 г. был выбран анархическим руководством в качестве нового командующего колонной Дуррути в Мадриде. Ему удалось поднять мораль бойцов, получить подкрепления из Каталонии, и колонна прошла под его командованием решающие моменты битвы за Мадрид. В начале 1937 г. контингент колонны Дуррути был возвращён на Арагонский фронт, и он стал командующим объединённой колонны. До конца войны сопротивлялся попыткам сталинистов проникнуть в его соединение, преобразованное в 26-ю дивизию Народной армии. Играл важную роль в Арагонской кампании и последней битве за Каталонию; после захвата Каталонии силами Франко перевёл, в полном порядке, остатки 26-й дивизии через границу во Францию, где его с почестями встретили французские военные.

Хуан П. Фабрегас

(Juan P. Fábregas) — вступил в НКТ лишь после начала Гражданской войны, но стал советником по экономике, как один из трёх представителей НКТ, когда анархисты официально вошли в каталонское правительство в конце сентября 1936 г. Внёс большой вклад в разработку и принятие законодательства, легализовавшего городские коллективы,

созданные анархистами в Каталонии в начале Гражданской войны. После Майских дней, по-видимому, не играл значительной роли в НКТ и общественной жизни в целом.

Аурелио Фернандес

(Aurelio Fernández) — до Гражданской войны член анархической группы «Мы». После создания Главного совета милиции в Каталонии, в самом начале войны, был назначен ответственным за внутренний порядок. Когда анархисты вошли в каталонское правительство, стал субсекретарём при советнике по общественному порядку. Оказался не в силах предотвратить воссоздание регулярных полицейских сил, Гражданской и Штурмовой гвардии, хотя до майских событий 1937 г. ему удавалось сохранять контрольные патрули, созданные в начале войны и действовавшие параллельно старым полицейским силам. На последнем этапе войны входил в состав Исполнительного комитета Либертарного движения Каталонии, представляя ФАИ.

Грегорио Ховер

(Gregorio Jover) — до Гражданской войны член группы «Мы». Участвовал в организации одной из первых милиционных частей, отправленных из Каталонии для возвращения Арагона. Большую часть войны провёл на фронте. После победы Франко эмигрировал в Мексику, где стал одним из немногих испанских анархических лидеров, которые перешли к коммунистам.

Дионисио Эролес

(Dionisio Eroles) — до Гражданской войны входил в группу «Мы»; организовал каталонский Совет рабочих и солдат в период Центрального комитета милиции и возглавлял его на протяжении всего его существования. Являлся региональным секретарём НКТ в Каталонии непосредственно после майских событий 1937 г.

Педро Эррера

(Pedro Herrera) — был одним из основных лидеров ФАИ, хотя, очевидно, не занимал никаких правительственных постов во время Гражданской войны. Вначале являлся сторонником компромиссов в отношении анархической идеологии со стороны испанского движения, впоследствии стал инициатором усиливающейся критики ФАИ против сотрудничества Национального комитета НКТ с правительством Негрина.

Жерминаль Эсглеас

(Germinal Esgleas) — неофициальный муж Федерики Монсень; к началу Гражданской войны был второстепенным лидером каталонских анархистов (хотя и занимал непродолжительное время должность регионального секретаря НКТ), но во время конфликта его известность значительно выросла. Был избран в состав Исполнительного комитета Либертарного движения Каталонии, сформированного в конце войны. В период диктатуры Франко долгое время был генеральным секретарём НКТ в эмиграции.

Источники и литература

Книги и брошюры

A Catholic Looks at Spain, Labour Publications Department, London, 1937.

Víctor Alba: El Marxisme a Catalunya 1919–1939, Volumen I: Historia del B.O.C., Editorial Portic, Barcelona, 1974.

— El Marxism a Catalunya 1919–1939, Volumen II: Historia del P.O.U.M., Editorial Portic, Barcelona 1974.

— Historia de la Segunda República Española, Libro Mex Editores, Mexico, 1960.

Robert J. Alexander: International Trotskyism 1929–1985: A Documented Analysis of the Movement, Duke University Press, Durham, 1991.

Ramón Álvarez: Avelino G. Mallada: Alcalde Anarquista, Historia Libertaria de Barcelona, 1986.

— Historia Negra de Una Crisis Libertaria, Editores Mexicanos, S.A., Mexico, 1982.

Julio Álvarez del Vayo: The Last Optimist, Viking Press, New York, 1950.

Juan Andrade: La Revolución Española Día a Día, Editorial Neuva Era, Barcelona, 1979.

Aportes a la Verdad en la Liquidación de la Guerra Española, Ediciones C.G.T., Santiago, Chile, n.d. (1939).

Luis Araquistáin: Sobre la Guerra Civil y en la Emigración, Espasa-Calpe, S.A., Madrid, 1983.

El Tebib Arrumi: Castilla por España y Cataluña Roja, Ediciones España, Madrid, 1940.

— En Gijón hubo un Simancas, Ediciones España, Madrid, 1940.

Joaquín Ascaso: Discurso del Presidente del Consejo de Aragón, Editora Nuevo, Caspe, 1937.

Paul Avrich: Anarchist Portraits, Princeton University Press, Princeton, 1988.

Manuel Azaña: Obras Completas, IV: Memorias Políticas y de Guerra, Ediciones Oasis, S.A., Mexico, 1968.

— Speech by His Excellency the President of the Spanish Republic, Press Department of the Spanish Embassy in London, n.d. (1937).

Bajo la Bandera de la España Republicana: Recuerdan los voluntarios soviéticos participantes en la guerra nacional-revolucionaria en España, Editorial Progreso, Moscú, n.d.

Walther Bernecker: Colectividades y Revolución Social: el Anarquismo en la Guerra Civil Española, 1936–1939, Editorial Crítica, Barcelona, 1982.

Camilo Berneri: Entre la Revolución y las Trincheras, Paris, 1976.

— Guerra de Clases en España, 1936–1937, (Edición, prólogo y notas de Carlos M. Rama), Tusquets Editores, Barcelona, 1977.

Burnett Bolloten: The Grand Camouflage: the Spanish Civil War and Revolution, 1936–1939, Frederick A. Praeger, New York, 1968.

— The Spanish Revolution: The Left and the Struggle for Power During the Civil War, The University of North Carolina Press, Chapel Hill, 1979.

Francesc Bonamusa: Andreu Nin y el Movimiento Comunista en España (1930–1937), Editorial Anagrama, Barcelona, 1977.

Franz Borkenau: The Spanish Cockpit, University of Michigan Press, Ann Arbor, 1963.

Aurora Bosch: Colectivistas (1936–1939), Almodín, Valencia, 1980.

Aurora Bosch Sánchez: Ugetistas y Libertarios: Guerra civil y Revolución en el País Valenciano, 1936–1939, Institución Alfons el Magnanim, Diputado Provincial de Valencia, Valencia, 1983.

Claude G. Bowers: My Mission to Spain: Watching the Rehearsal for World War II, Simon and Schuster, New York, 1954.

Gerald Brenan: The Spanish Labyrinth: An Account of the Social and Political Background of the Spanish Civil War, Cambridge University Press, Cambridge, 1982.

John Brademas: Anarcosindicalismo y Revolución en España 1930–1937, Editorial Ariel, Barcelona, 1974.

Josep María Bricall: Política Económica de la Generalitat (1936–1939): El Sistema Financer, Edicions 62, Barcelona, 1979

— Política Económica de la Generalitat (1936–1939): Evolución Industrial, Edicions 62, Barcelona, 1978.

Paul Frederick Brissenden: The IWW: A Study of American Syndicalism, Columbia University Press, New York, 1920.

Fenner Brockway: The Truth About Barcelona, Independent Labour Party, London, n.d. (1937).

Pierre Broué and Émile Témime: *The Revolution and the Civil War in Spain*, The MIT Press, Cambridge, 1970.

Buenaventura Durruti, *Official Propaganda Services of the CNT-FAI*, Barcelona, n.d.

Adolfo Bueso: *Recuerdos de un Cenetista*, Editorial Ariel, Volumen II, Barcelona 1978.

José Bullejos: *España en la Segunda República*, Ediciones Jucar, Madrid y Gijón, 1979.

Juan Caba Guijarro: *1936–1939: El Colectivismo en Membrilla (C. Real)*, Angama Industrias Graficas, Ciudad Real, 1981.

Emile Capouya and Keith Tompkins (editors): *The Essential Kropotkin*, Liveright, New York, 1975.

M. Cardona Rossell: *Aspectos Económicos de Nuestra Revolución: Conferencia Pronunciada en el Cine Coliseum de Barcelona el Día 31 de Enero de 1937*, CNT-FAI Oficinas de Propaganda, n.d. (1937).

E. H. Carr: *The Comintern and The Spanish Civil War*, Pantheon Books, New York, 1984.

Félix Carrasquer: *Las Colectividades de Aragón: Un Vivir Autogestionado Promesa de Futuro*, Editorial Laia, Barcelona, 1986.

Enrique Castro Delgado: *Hombres Made in Moscú*, Publicaciones Mañana, Mexico, 1960

— *Mi Fe Se Perdió en Moscú*, Editorial Horizontes, Mexico, 1951.

David T. Cattell: *Communism and the Spanish Civil War*, Russell & Russell, New York, 1965.

CNT Accords del Congres de Saragossa, Maig 1936, *Textos de Formació Llibertaria*, Barcelona, 1977.

Colectivizaciones: La Obra Constructiva de la Revolución Española, C.N.T. de España en el Exilio, Toulouse, 1973.

Robert Garland Colodny: *The Struggle for Madrid: The Central Epic of the Spanish Conflict (1936–1937)*, Paine-Whitman Publishers, New York, 1958.

Eduardo Comín Colomer: *Historia del Anarquismo Español, 1836–1948*, Editorial R.A.D.A.R., S.L., Madrid, n.d. (1949).

Comarcal de Valderrobres (Teruel): *Sus Luchas Sociales y Revolucionarias*, Ediciones Cultura y Acción, Toulouse, 1971.

Confederación Nacional del Trabajo: *Acuerdos del Pleno Económico Nacional Ampliado*, Barcelona, n.d. (1938).

Confederación Regional del Trabajo: *Estructuración de los Sindicatos de Industria*, Barcelona, 1937.

Congresos anarcosindicalistas en España 1879–1936, Ediciones C.N.T., Toulouse, 1977.

Conselleria de Servéis Publics: Primer Butlletí Extraordinari, Maig 1937, Barcelona, 1937.

Manuel Cruells: Els Fets de Maig, Barcelona 1937, Editorial Joventut, S.A., Barcelona, 1970.

Edward Lodge Curran: Franco: Who Is He? What does he fight for?, International Catholic Truth Society, Brooklyn, New York, 1937.

De Companys a Indalecio Prieto: Documentación Sobre las Industrias de Guerra en Cataluña, Ediciones del Servicio de Propaganda España, Buenos Aires, August 1939.

Eduardo de Guzmán: Madrid, Rojo y Negro, Milicias Confederales, Ediciones Vertice, Caracas, 1972.

Salvador de Madariaga: Spain: A Modern History, Frederick A. Praeger, New York, 1958.

Lazarillo de Tormes (Benigno Bejarano): España Cuña de la Libertad: La Revolución Española y sus Conflictos, Ediciones Ebro, Valencia, n.d. (1937).

Sam Dolgoff (editor): The Anarchist Collectives: Workers Self-Management in the Spanish Revolution 1936–1939, Free Life Editions, New York, 1974.

Ilya Ehrenburg: Corresponsal en la Guerra Civil Española, Ediciones Jucar, Madrid/Gijón, 1979.

El Congreso Confederal de Zaragoza, Ediciones C.N.T., Toulouse, 1955.

Epistolario Prieto y Negrín – Puntos de vista sobre el desarrollo y consecuencias de la guerra civil española, Imprimerie Nouvelle, Paris, 1939.

M. Ercoli (Palmiro Togliatti): The Spanish Revolution, Workers' Library Publishers, New York, 1937.

Luigi Fabbri: Influencias Burguesas Sobre el Anarquismo, Fichas de Formación Libertaria, Barcelona, April 1977.

Louis Fischer: Men and Politics: An Autobiography, Duell, Sloane and Pearce, New York, 1941.

— The War in Spain, The Nation, New York, 1937.

Ronald Fraser: Blood of Spain: The Experience of Civil War, 1936–1939, Penguin Books Ltd, London, 1979.

Juan García Oliver: El Eco de los Pasos: El Anarcosindicalismo en la calle, en el Comité de Milicias, en el gobierno, en el exilio, Ruedo Ibérico, Paris y Barcelona, 1978.

— Mi Gestión al Frente del Ministerio de Justicia, Ediciones de la Comisión de Propaganda y Prensa del Comité Nacional de la C.N.T., Valencia, 1937.

Juan Gómez Casas: Anarchist Organization: The History of the F.A.I., Black Rose Books, Montreal and Buffalo, 1986.

Matías Gonzalez: Sálvese Quien Pueda! Ultimos días de la Guerra Civil española, Editores Mexicanos Unidos, S.A., Mexico, 1981.

Valentín González and Julian Gorkin: El Campesino: Life and Death in Soviet Russia, G.P. Putnam's Sons, New York, 1952.

Julian Gorkin: Caníbales Políticos: Hitler y Stalin en España, Ediciones Quetzal, Mexico, 1941.

— El Proceso de Moscú en Barcelona, Ayma, Sociedad Anónima Editora, Barcelona, 1973.

— España, Primer Ensayo de Democracia Popular, Asociación Argentina por la Libertad de la Cultura, Buenos Aires, n.d. (1961).

Hacia la Unidad de Acción de la Clase Obrera, Ediciones de la C.N.T., Valencia, n.d. (1937).

Ernest Hemingway: For Whom the Bell Tolls, C. Scribner's Sons, New York, 1940.

Jesús Hernandez: Negro y Rojo: Los Anarquistas en la Revolución Española, La España Contemporánea, Mexico, D.F., 1946

— Yo Fui un Ministro de Stalin, Editorial América, Mexico, 1953.

Jules Humbert-Droz: Memoires de Jules Humbert-Droz: De Lenine a Staline, Dix Ans au Service de L'Internationale Communiste 1921-1931, A La Bagoniere, Neuchatel, 1971.

Dolores Ibárruri, Manuel Azcárate, Luis Balaguer, Antonio Cordón, Irene Falcón y José Sandoval: Guerra y Revolución en España 1936-1939, Editorial Progreso, Moscú, 1966, Volúmenes I y II.

— Unión de Todos los Españoles: Texto del informe pronunciado en el Pleno del Comité Central del Partido Comunista de España, celebrado en el día 23 de Mayo de 1938, Editorial Unidad, Montevideo, 1938.

Ignacio Iglesias: Leon Trotsky y España (1930-1939), Ediciones Jucar, Madrid, 1977.

— La Fase Final de la Guerra Civil, Cuadernos de Frente Libertaria, París, 1975.

Lola Iturbe: La Mujer en la Lucha Social y en la Guerra Civil de España, Editores Mexicanos Unidos, S.A., Mexico, 1974.

Gabriel Jackson: The Spanish Republic and the Civil War 1931-1939, Princeton University Press, Princeton, N.J., 1965.

Frank Jellinek: The Civil War in Spain, Howard Fertig, New York, 1969.

Joint Letter of the Spanish Bishops to the Bishops of the Whole World: The War in Spain, The America Press, New York, 1937.

Justice Triumphs in Spain! A Letter About the Trial of the P.O.U.M., Socialist Party of the U.S., Chicago, n.d. (1939).

Robert W. Kern: Red Years/Black Years: A Political History of Spanish Anarchism 1911–1937, Institute for the Study of Human Issues, Philadelphia, 1978.

Mijaíl Koltsov: Diario de la Guerra de España, Ediciones Ruedo Ibérico, Paris, 1963.

W.G. Krivitsky: In Stalin's Secret Service, Harper & Brothers, New York, 1939.

Peter Kropotkin: Mutual Aid, Pelican Books, London, 1939.

La Guerra Civil en Asturias, Ediciones Jucar, Gijón, 1986, Volúmenes I y II.

Harry Laidler: Social-Economic Movements, Thomas Y Crowell Company, New York, 1945.

Lambda: The Truth About the Barcelona Events (Introduction by Bertram D. Wolfe), Workers Age Publishers, New York, n.d. (1937).

John Langdon-Davies: Behind the Spanish Barricades, Martin Seeker & Warburg Ltd, London, 1937.

Francisco Largo Caballero: Correspondencia Secreta, Nos, Madrid, 1961.

Las Colectividades Campesinas 1936–1939, Tusquets Editor, Barcelona, 1977.

Letters from Spain by Joe Dallet, American Volunteer, to His Wife, Workers Library Publishers, New York City, 1938.

Gaston Leval: Colectividades Libertarias en España, Editorial Proyección, Buenos Aires, 1974, Volumen II.

— Agustín Souchy, R. Cano Ruiz: La Obra Constrictiva de la Revolución Española, Editorial Ideas, Mexico, 1982.

— Ne Franco Ne Stalin: Le Collectivita Anarchiche Spagnole nella Lotta Contro Franco e la Reazione Staliniana, Instituto Editoriale Italiano, Milan, n.d.

Los Libertarios Asturianos en la Guerra Civil – Replica a Juan Antonio Cabezas, Sub-Comité Regional de la C.N.T., Valencia, 1937.

Anselmo Lorenzo: El Proletariado Militante, Ediciones Vertice, Mexico, n.d., Volúmenes I y II.

César M. Lorenzo: Les Anarchistes Espagnols et le Pouvoir 1863–1969, Editions du Seuil, Paris, 1969.

Los Sucesos de Barcelona: Relación documental de las trágicas jornadas de la semana de Mayo 1937, Ediciones Ebro, Valencia, Mayo 1937. (По-видимому, написано Аугустином Сухи, поскольку значительная часть дословно повторяется в двух его брошюрах, на испанском и английском, о майских событиях в Барселоне.)

Edward E. Malefakis: Agrarian Reform and Peasant Revolution in Spain: Origins of the Civil War, Yale University Press, New Haven, 1970.

Palmiro Marbá (Federico Fructidor): Origen, Desarrollo y Trascendencia del Movimiento Sindicalista Obrero, Ediciones Vertice, Mexico, n.d. (Издано в составе двухтомника Ансельмо Лоренсо).

Johan Matteo: Democracy or Revolution in Spain, Independent Labour Party, London n.d. (1937).

G.P. Maximoff (editor and compiler): The Political Philosophy of Bakunin: Scientific Anarchism, The Free Press, Glencoe, Illinois, 1953.

John McGovern: Why Bishops Back Franco – Report of Visit of Investigation to Spain, Independent Labour Party, London, n.d. (1937).

Roy Medvedev: Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism, Columbia University Press, New York, 1989.

Memoria Congreso Regional de Campesinos de Cataluña, Septiembre 1936, Artes Graficas C.N.T., Barcelona, September 1936.

Cipriano Mera: Guerra, Exilio y Cárcel de un Anarcosindicalista, Ruedo Ibérico, Paris, 1976.

Frank Mintz: L'Autogestión dans l'Espagne révolutionnaire, Belibaste, Paris, 1970.

Jerome R. Mintz: The Anarchists of Casas Viejas, University of Chicago Press, Chicago, 1982.

Fidel Miró: Anarquismo y Anarquistas, Editores Mexicanos Unidos, Mexico, 1979.

Juan Manuel Molina: El Comunismo Totalitario, Editores Mexicanos Unidos, Mexico, 1982.

Federica Montseny: Mi Experiencia en el Ministerio de Sanidad y Asistencia Social, Ediciones de la Comisión de Propaganda y Prensa del Comité Nacional de la C.N.T., Valencia, 1937.

Felix Morrow: Revolution and Counter-Revolution in Spain, 2nd Edition, Pathfinder Press, New York, 1974.

G. Munis: Jalones de Derrota: Promesa de Victoria (España 1930-39), Editorial Lucha Obrera, Mexico, 1948

— Las Jornadas de Mayo, Barcelona, 1976. (Перепечатка главы о майских событиях из «Jalones de Derrota».)

Manuel Monoz Diez: Marianet: Semblanza de Un Hombre, Ediciones CNT, Mexico, 1960.

Mary Nash: Mujer y Movimiento Obrero en España, 1931–1939, Editorial Fontamara, Barcelona, 1981.

Steve Nelson: The Volunteers: A Personal Narrative of the Fight Against Fascism in Spain, Masses and Mainstream, New York, 1953.

Pietro Nenni: La Guerre d'Espagne, Francois Maspero, Paris, 1959.

George Orwell: Homage to Catalonia, Harcourt, Brace Jovanovich Publishers, New York, 1980.

Xavier Paniagua: La Sociedad Libertaria: Agrarismo e industrialización en el anarquismo Español 1930–1939, Grupo Editorial Grijalbo, Barcelona, 1982.

Stanley G. Payne: The Spanish Revolution, W.W. Norton & Co., New York, 1970.

Abel Paz (Diego Camacho): Crónica de la Columna de Ferro, Editorial Hacer, Barcelona, 1984.

— Durruti: El Proletariado en Armas, Editorial Bruguera, S.A., Barcelona, 1978.

José Peirats: Breve Storia del Sindicalismo Libertario Spagnolo, Edizioni RL, Genova, 1962

— La C.N.T. en la Revolución Española, Ediciones CNT, Toulouse, 3 volúmenes, 1955, 1952, 1953.

— Los Anarquistas en la crisis política española, Ediciones Jucar, Madrid y Gijón, 1976.

Juan Peiró: De la Fabrica de Vidrio de Mataro al Ministerio de Industria, Ediciones de la Comisión de Propaganda y Prensa del Comité Nacional de la C.N.T., Valencia, 1937.

— Pensamiento de Juan Peiró, Ediciones CNT, Mexico, 1959.

Albert Pérez Baró: 30 Meses de Colectivismo en Cataluña (1936–1939), Editorial Ariel, Barcelona, 1974.

— Trenta Mesos de Col·lectivisme a Catalunya, Cinquanta Anys Després, Ediciones 62, Barcelona, 1986.

David Porter (editor): Vision on Fire: Emma Goldman on the Spanish Revolution, Commonground Press, New Paltz, NY, 1983.

Indalecio Prieto: Convulsiones de España: Pequeños Detalles de Grandes Sucesos, Ediciones Oasis, S.A., Mexico, 1968, Volumen II.

Carlos M. Rama: La Crisis Española del Siglo XX, Fondo de Cultura Económica, Mexico, 1960.

Gahriele Ranzato: Lucha de Clases y Lucha Política en la Guerra Civil Española, Editorial Anagrama, Barcelona, 1977.

Herbert Read: Kropotkin: Selections from his Writings, Freedom Press, London, 1942.

Realizaciones Revolucionarias y Estructuras Colectivistas de la Comarcal de Monzón (Huesca) con Notas Sobre la Represión Comunista, Ediciones Cultura y Acción, Esplugues de Llobregat, 1977.

Report on the visit by an All Party Group of Members of Parliament to Spain, Published by the Press Department of the Spanish Embassy in London, London, n.d.

Richard A.H. Robinson: The Origins of Franco Spain: The Right, the Republic and the Revolution, 1931-1936, University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, 1970.

Rudolf Rocker: Anarcosindicalismo: Teoría y Práctica, Ediciones Picazo, Barcelona, 1978.

— Estranjeros en España, Ediciones Imán, Buenos Aires, 1938.

— The Tragedy of Spain, Freie Arbeiter Stimme, New York, 1987.

General Vicente Rojo: Así Fue la Defensa de Madrid, Ediciones Era, S.A., Mexico, 1967.

Antonio Rosado: Tierra y Libertad: Memorias de un Campesino Anarcosindicalista Andalúz, Editorial Critica, Barcelona, 1979.

Helmut Rüdiger: El Anarcosindicalismo en la Revolución Española, Comité Nacional de la Confederación Nacional del Trabajo de España, Barcelona, 1938.

José M. Sánchez: The Spanish Civil War as a Religious Tragedy, University of Notre Dame Press, Notre Dame, Indiana, 1987.

Diego Abad de Santillán: La Revolución y La Guerra en España - Notas Preliminares para su Historia, Ediciones Nervio, Buenos Aires, 1937.

— Por Qué Perdimos la Guerra, G. del Toro Editor, Madrid, 1975.

Ricardo Sanz: Los Que Fuimos a Madrid: Columna Durruti, 26 División, Imprimerie Dulaurier, Toulouse, 1969.

Carlos Semprun-Maura: Revolución y Contrarevolución en Cataluña 1936-1937, Tusquets Editor, Barcelona, 1978.

Ramón Sender: Counter-Attack in Spain, Houghton Mifflin Company, Boston, 1937.

Terence M. Smyth: La CNT al País Valencià 1936/1937, Series La Unitat, Num. 33, Valencia, 1977.

Agustín Souchy Bauer: Entre los Campesinos de Aragón: El comunismo libertario en las comarcas liberadas, Tusquets Editor, Barcelona, 1977.

Agustin Souchy: La Semana Trágica de Mayo en Barcelona, Editorial Esfuerzo, Montevideo, 1937.

— Spain: July 19, 1936 ... July 19, 1937, Libertarian Publishers, New York, n.d. (1937).

— The Tragic Week in May, Oficina de Información Exterior de la CNT y FAI, Barcelona, 1937.

Andrés Suárez: El Proceso Contra el POUM: Un Episodio de la Revolución Española, Rudeo Ibérico, Paris, 1974.

Luciano Suero Sánchez: Memorias de un Campesino Andaluz en la Revolución Española, Quemada Ediciones, Madrid, 1982.

Hugh Thomas: The Spanish Civil War, Harper & Row, New York, 1961.

Palmiro Togliatti: Escritos sobre la guerra de España, Editorial Crítica, Barcelona, 1980.

Barbara W. Tuchman: The Proud Tower: A Portrait of the World Before the War, 1890-1914, The Macmillan Company, New York, 1965.

Manuel Villar: El Anarquismo en la Insurrección de Asturias, Ediciones Nervio, Buenos Aires, 1936.

Alice Wexler: Emma Goldman in Exile: from the Russian Revolution to the Spanish Civil War, Beacon Press, Boston, 1989.

Juan Zafón Bayo: El Consejo Revolucionario de Aragón, Editorial Planeta, Barcelona, 1979.

Анархические периодические издания

Acción, Валенсия, 1920-е.

Acción Libertaria, орган региональной организации Астурии и Леона НКТ, Хихон, постфранкистская эпоха.

Boletín de Información C.N.T., A.I.T., F.A.I., Барселона, во время Гражданской войны.

Campo Libre, орган Региональной федерации крестьян Центра, НКТ, Мадрид.

CÉNIT-CNT, эмигрантское издание НКТ в Тулузе, Франция.

CNT, газета радикальной фракции НКТ, Париж и Тулуза, 1940-е-1970-е.

Comunidad Ibérica (под ред. Фиделя Миро), Мехико, 1960-е и начало 1970-х.

Diario Confederal, Валенсия.

El Frente, издание 26-й дивизии.

El Rebelde, внутренний бюллетень региональной организации Андалусии-Эстремадуры НКТ в эмиграции, Тулуза.

Espoir, еженедельный орган VI Регионального союза НКТ Франции (фактически НКТ Испании в эмиграции), Тулуза.

Fragua Social, ежедневник НКТ, Валенсия, во время Гражданской войны.

Le Libertaire, французское анархическое издание, Париж.

Más Allá, издание колонны Аскасо.

Solidaridad Obrera, ежедневник НКТ, Барселона.

Spanish Revolution, бюллетень, издаваемый Объединёнными либертарными организациями, Нью-Йорк.

Tiempos Nuevos, Барселона.

Tierra y Libertad, орган ФАИ, Барселона.

Другие периодические издания

Acción Social, мексиканское социалистическое издание, Мехико.

Cuadernos de Historia Económica de Catalunya, Ajuntament de Barcelona, Instituto Municipal d'Historia (статья Albert Pérez Baró: 'Recuperem la Nostra Historia Social Recent', October 1980).

Current History.

España Libre, орган Конфедерации испанских обществ, Нью-Йорк.

Harper's Monthly.

Ilustración Ibérica, Барселона.

Informaciones de España, mimeографированный бюллетень ОСПК, Барселона.

International Postwar Problems, Нью-Йорк.

La Vanguardia, барселонская ежедневная газета.

The New York Times.

Revista de Trabajo, Мадрид.

Revolutionary History, троцкистское обозрение, Лондон, 1980-е.

Socialist Review, «Официальный теоретический орган Социалистической партии Соединённых Штатов» в 1930-е, Нью-Йорк.

Spanish Labor News, издавались Трудовым исследовательским фронтом совместно с Социалистической партией Соединённых Штатов, Нью-Йорк.

The Spanish News Bulletin, англоязычное издание ОСПК, Барселона.

The Spanish Revolution, еженедельный англоязычный бюллетень ПОУМ, Барселона.

Диссертации и рукописи

‘Actas del Primer Congreso Extraordinario de Colectividades Celebrado en Caspe el 14 y 15 de Febrero de 1937’, Confederación Regional del Trabajo de Aragón, Rioja y Navarra, CNT-AIT (предоставлено Гастоном Левалем 23 июля 1960 г.).

Víctor Alba: ‘El Obrero Colectivizado’, n.d.

— ‘Los Colectivizadores Recuerdan...’ (1978).

Robert J. Alexander: ‘Observations on Congress of “Hard” Spanish CNT in Exile’, Limoges, France, August 13–14 1960.

Ramón Álvarez: ‘Relaciones CNT-UGT de Asturias Durante el Periodo de la Guerra Civil’.

J. Barconi: ‘Sindicato del Transporte y Comunicaciones (Sección Autobuses) de Barcelona Forma en que fue incautada la Compañía General de Autobuses S.A. de Barcelona: desarrollo y vida de lo que represento la incautación en la Guerra Civil Española’, (рукописный текст, без даты [1952]).

Adolfo Bueso: ‘La Fundación de la Confederación Nacional del Trabajo (C.N.T.): 1er Congreso Celebrado los días 30 y 31 de Octubre y lo de Noviembre de 1910, en el Palacio de Bellas Artes, de Barcelona’ (mimeogr.).

Andrés Capdevila: ‘Hilaturas Fabra y Coats: Colectivización y Comentario’.

— Orientaciones para el Futuro – Las Lecciones de la Política’, n.d. (предоставлено Гастоном Левалем).

José Costa Font y Ramón Martínez González: ‘La Autogestión Practicada por la C.N.T.: Una Experiencia en la Industrial Textile (1936–1939)’.

‘Carta de Racionamiento Familiar’ de Federación Regional de Colectividades de Aragón.

José Duque: ‘La Situación de Aragón al Comienzo de la Guerra’, n.d.

George Esenwein: 'Anarchist Ideology and the Working-class Movement in Spain (1868–1900): With Special Reference to the Ideas of Ricardo Mella', PhD. Thesis at University of London.

'Estatutos de la Colectividad del Pueblo de Alcorisa', (предоставлено Гастоном Левалем).

'Informe de la Delegación de la C.N.T. al Congreso Extraordinario de la A.I.T. y Resoluciones del Mismo, Diciembre de 1937'

Helmut Rüdiger: 'Barcelonasekreterarens Information Infor IAA: Kongress i Paris den 7 December 1937' (версия на шведском языке доклада главы Постоянной делегации МАТ в Барселоне, составленного для декабрьского конгресса МАТ 1937 г.).

'Verbatim Report of Meeting of Political and Military Leaders on the Aragón Front in September 1937' (хранится в Гуверовском институте).

Меморандум Национального комитета НКТ, подписанный Мариано Васкесом (Mariano Vazquez), Валенсия, 13 мая 1937 г. (мимеогр.).

Письмо Виктора Альбы (V́ctor Alba), настоящее имя Педро Пахес (Pedro Pagés), бывшего молодёжного лидера ПОУМ и историка этой партии, автору от 21 апреля 1988 г.

Письма Рамона Альвареса (Ramón Álvarez), астурийского лидера НКТ, автору от 6 августа 1989 г., 19 ноября 1989 г., 1 января 1990 г. и 10 января 1990 г.

Письмо Агустина Эдвардса (Agustín Edwards), чилийского посла в Испании, президенту Артуро Алессандри от 20 октября 1937 г. (архив Артуро Алессандри, Сантьяго, Чили).

Письма Энрике Марко Надаля (Enrique Marco Nadal), лидера железнодорожников НКТ в Валенсии во время Гражданской войны, автору от 15 августа 1989 г., 25 сентября 1989 г. и 2 июня 1990 г.

Письмо Чарльза А. Орра (Charles A. Orr), направленное Кларенсу Сениору (Clarence Senior), национальному секретарю Социалистической партии Соединённых Штатов, 25 декабря 1938 г. (архив Нормана Томаса, Нью-Йоркская публичная библиотека).

Интервью

Эстебан Алонсо (Esterban Alonso), генеральный секретарь Региональной федерации Каталонии «ортодоксальной» фракции НКТ; Барселона, 16.07.1984.

Хинес Алонсо (Gines Alonso), лидер НКТ в Оспиталет-де-Льобрегате в годы Гражданской войны, национальный секретарь «умеренной» фракции НКТ в эмиграции; Тулуза, 08.08.1960.

Антонио Алорда (Antonio Alorda), во время войны лидер Синдиката швейников Валенсии НКТ; Лимож, 13.08.1960.

Рамон Альварес (Ramón Álvarez), бывший лидер НКТ-ФАИ в Астурии, лидер «умеренной» фракции НКТ в эмиграции; Париж, 24.07.1960.

Падре Бернардино Антон Ортис (Bernardino Antón Ortiz), глава церковного консультативного совета профсоюзной системы франкистского режима; Мадрид, 17.11.1951.

Агустин Ает Равентос (Agustín Ayet Raventos), технический советник вице-секретаря по экономическому порядку, член провинциального синдикального экономического комитета; Барселона, 20.08.1960.

Сеньор Бальеста (Ballesta), бывший солдат Красно-чёрной дивизии; Лимож, 13.08.1960.

Хосе Баррейро (José Barreiro), субсекретарь Социалистической партии в эмиграции, бывший лидер астурийских социалистов; Тулуза, 03.08.1960.

Мигель Кабра (Miguel Cabra), бывший секретарь преподавательской секции Синдиката свободных профессий Барселоны НКТ; Барселона, 02.08.1960

Франсиско Кальвильо Пинеда (Francisco Calvillo Pineda), бывший технический секретарь по военной промышленности Совета обороны Мадрида; Валенсия, 24.07.1984.

Диего Камачо (Diego Camacho), биограф Дуррути, писавший под псевдонимом Абель Пас (Abel Paz); Париж, 21.07.1960; Барселона, 28.07.1984.

Г. Камараса Гарсия (G. Camarasa García), во время войны лидер НКТ в Вильена-де-Валенсии; Барселона, 02.09.1960.

Андрес Капдевила (Andrés Capdevila), бывший член Совета экономики Каталонии от НКТ; Перпиньян, 08.09.1960.

Феликс Карраскер (Félix Carrasquer), бывший член Полуостровного комитета ФАИ; Париж, 22.07.1960; Барселона, 31.07.1984.

Хосе Касадо Мас (José Casado Mas), менеджер текстильной компании «Бертрам Серра»; Барселона, 03.09.1960.

Мариано Касасус Лакаста (Mariano Casasus Lacasta), бывший капитан 25-й дивизии; Барселона, 12.07.1984.

Висенте Каселья (Vicente Casella), бывший член сельскохозяйственного коллектива Куэвас-Порталь-Рубио (Арагон); Тулуза, 05.09.1960.

Хайме Касельяс (Jaime Casellas), во время войны лидер НКТ в Игуаладе (Каталония); Париж, 24.07.1960.

Мигель Сельма (Miguel Celma), бывший секретарь сельскохозяйственного коллектива Каланды (Арагон); Тулуза, 04.08.1960.

Хуан Коболья (Juan Cobolla), генеральный секретарь Валенсийской федерации «реформистской» фракции НКТ; Валенсия, 06.07.1984.

Хосе Консуэгра (José Consuegra), бывший лидер НКТ; Каракас, 14.09.1961

Хосе Коста Фонт (José Costa Font), во время войны секретарь Синдиката фабричных, текстильных, швейных и смежных производств Бадалоны и её окрестностей; Барселона, 15.07.1984

Антонио Куэнка Пучдельвиволь (Antonio Cuenca Puigdemallivól), адвокат, бывший член НКТ, защитник политических заключённых; Барселона, 22.08.1960.

Сиприано Дамьяно (Cipriano Damiano), бывший журналист НКТ; Барселона, 03.09.1960.

Карлос де Барайбар (Carlos de Baraibar), бывший субсекретарь военного министра в кабинете Франсиско Ларго Кабальеро; Сантьяго (Чили), 09.08.1956.

Хесус де Галиндес (Jesús de Galíndez), представитель баскского правительства в изгнании, служащий Министерства юстиции во время Гражданской войны; Нью-Йорк, 09.04.1952.

Франсиско Дьесандино (Francisco Diezhandino), бывший председатель Национальной федерации железнодорожной отрасли НКТ, член Национального комитета «умеренной» фракции НКТ в эмиграции; Тулуза, 07.08.1960.

Хосе Хуан Доменек (José Juan Domenech), бывший член правительства каталонского Хенералидада, лидер НКТ в течение долгого времени; Тулуза, 04.08.1960.

Луис Андрей Эдо (Luis Andrei Edo), лидер профсоюза работников издательского дела Барселоны «ортодоксальной» фракции НКТ; Барселона, 06.07.1984.

Бенито Эгурен (Benito Egurén), глава металлургической компании «Эгурен»; Бильбао, 21.11.1951.

Хавьер Эльбайлье (Javier Elbaille), лидер НКТ в эмиграции, в годы Гражданской войны служивший как в мятежной, так и в республиканской армии; Лимож, 14.08.1960.

Фернандо Эскриве (Fernando Escrivé), художник, судья в Валенсии во время Гражданской войны; Валенсия, 04.12.1951.

Жерминаль Эсглеас (Germinal Esgleas), неофициальный супруг Федерики Монсень, долгое время являлся генеральным секретарём «радикальной» фракции НКТ в эмиграции; Тулуза, 02.08.1960

Бернабе Эстебан (Bernabé Esteban), бывший секретарь Провинциальной федерации Аликанте Региональной федерации крестьян Леванта НКТ; Лимож, 13.08.1960; Париж, 08.09.1960.

Рафаэль Эстебан (Rafael Esteban), бывший секретарь по статистике и контролю Региональной федерации крестьян Леванта НКТ; Париж, 09.09.1960.

Сеньор Эстручер (Estrucher), во время войны глава контрольного комитета газовой отрасли в Валенсии; Париж, 23.07.1960.

Антония Фонтанильяс (Antonia Fontanillas), профсоюзная активистка и член «Либертарной молодёжи» времён Гражданской войны; Барселона, 17.07.1984.

Габриэль Франко (Gabriel Franco), левореспубликанский министр финансов после февральских выборов 1936 г.; Рио-Пьедрас (Пуэрто-Рико), 12.09.1955.

Жеронимо Гарсия (Gerónimo García), бывший помощник главы отдела военного транспорта Департамента обороны Каталонии, лидер «умеренной» фракции НКТ в эмиграции; Тулуза, 08.08.1960.

Антонио Гарсия Дуарте (Antonio García Duarte), секретарь-ассистент Социалистической партии в эмиграции, бывший лидер «Объединённой социалистической молодёжи» в Малаге; Тулуза, 01.08.1960.

Роберт Гладник (Robert Gladnick), организатор Международного союза рабочих по пошиву дамской одежды в Пуэрто-Рико, бывший боец батальона «Авраам Линкольн»; Сан-Хуан (Пуэрто-Рико), 12.07.1958.

Хосе Гонсалес Мало (José González Malo), лидер НКТ в Сантандере во время Гражданской войны; Нью-Йорк, 12.07.1960.

Хулиан Горкин (Julián Gorkin), лидер ПОУМ в течение долгого времени; Париж, 20.07.1960.

Жерминаль Грасия (Germinal Gracia), бывший лидер «Либертарной молодёжи», член аграрного коллектива Сервиá (Каталония); Каракас, 24.07.1961.

Лирио Гирола (Lirio Guirola), лидер профсоюза строителей Барселоны «ортодоксальной» фракции НКТ; Барселона, 11.07.1984.

Сальвадор Гурручарри (Salvador Gurrucharri), лидер «Либертарной молодёжи» в эмиграции; Лондон, 13.09.1960.

Хинес Эрнандес Паган (Gines Hernández Pagan), номинальный командующий Гражданской гвардии Каталонии в первый год Гражданской войны, анархист; Тулуза, 04.08.1960.

Игнасио Иглесиас (Ignacio Iglesias), бывший лидер ПОУМ в Астурии; Париж, 18.07.1960.

Грегорио Иньиго (Gregorio Íñigo), во время Гражданской войны лидер профсоюза НКТ на мадридском заводе «Стандард Электрика»; Мадрид, 28.08.1960.

Лоренсо Иньиго (Lorenzo Íñigo), бывший представитель «Либертарной молодёжи» в Совете обороны Мадрида; Мадрид, 19.08.1960.

Лола Итурбе (Lola Iturbe), супруга Хуана М. Молины, во время войны лидер «Свободных женщин»; Париж, 24.07.1960.

Арсенио Химено (Arsenio Jimeno), бывший лидер «Объединённой социалистической молодёжи» в Сарагосе; Париж, 12.01.1952.

Виктория Кент (Victoria Kent), бывший депутат испанских кортесов от Радикально-социалистической партии; Нью-Йорк, 06.05.1953.

Касими́ро Ларе́до (Casimiro Laredo), бывший лидер ВСТ в Сантандере; Тулуза, 01.08.1960.

Антонио Леон (Antonio León), ветеран анархической колонны Ортиса (25-й дивизии); Лимож, 13.08.1960.

Гастон Леваль (Gaston Leval), французский анархический лидер; Нёйи, 23.07.1960.

Сеньор Льоп (Llop), помощник редактора газеты НКТ «Solidaridad Obrera» в эмиграции; Париж, 21.07.1960.

Родольфо Льопис (Rodolfo Llopis), эмигрантский социалистический лидер, генеральный секретарь правительства в кабинете Франсиско Ларго Кабальеро; Тулуза, 03.08.1960.

Эмилия Лоддинг (Emilia Lodding), во время войны лидер профсоюза НКТ на небольшом металлургическом заводе в Барселоне; Франклин-Парк (Нью-Джерси), 04.07.1960.

Уильям Лоддинг (William Lodding), бывший сотрудник службы иностранной пропаганды НКТ-ФАИ в Барселоне; Франклин-Парк (Нью-Джерси), 04.07.1960.

Хуан Лопес (Juan López), испанский консультант временной группы экономических исследований Администрации экономической кооперации, бывший фалангист; Мадрид, 10.12.1951.

Хуан Лопес Санчес (Juan López Sánchez), во время войны лидер НКТ в Валенсии, министр торговли в кабинете Франсиско Ларго Кабальеро; Мехико, 25.08.1963.

Энрике Марко Надаль (Enrique Marco Nadal), бывший секретарь профсоюза железнодорожников Валенсии НКТ; Валенсия, 25.07.1984.

Хосе Марин Сальто (José Marín Salto), бывший член Национального комитета НКТ; Барселона, 24.11.1951.

Сеньор Марсаль (Marsal), лидер «радикальной» фракции НКТ в эмиграции; Лимож, 13.08.1960.

Сеньор Мартинес Парера (Martínez Parera), во время войны секретарь нефтяного совета республиканского правительства, казначей Социалистической партии в эмиграции; Тулуза, 03.08.1980.

Элиас Марупе (Elías Marupe), лидер Социалистической партии в эмиграции; Тулуза, 05.09.1960.

Валерио Мас (Valerio Mas), бывший член Совета экономики Каталонии, сэнэтист; Париж, 08.09.1960.

Луи Мерсье (Louis Mercier), редактор «Preuves», уроженец Чили, французский анархист; Париж, 18.07.1960.

Фидель Миро (Fidel Miró), во время войны лидер «Либертарной молодёжи» Испании; Мехико, 22 и 25.08.1963; Барселона, 12.07.1984.

Рафаэль Молес Гильен (Rafael Moles Guillen), начальник поезда на маршруте Кордова – Севилья; 02.12.1951.

Хуан Мануэль Молина (Juan Manuel Molina), сэнэтист, бывший субсекретарь Департамента обороны Каталонии; Париж, 24.07.1960; Барселона, 18.07.1984.

Луис Монтелиу (Luis Monteliu), бывший член Совета Арагона; Каракас, 24.07.1961.

Федерика Монсень (Federica Montseny), лидер НКТ-ФАИ, министр здравоохранения и социального обеспечения в правительстве Франсиско Ларго Кабальеро; Тулуза, 31.07.1960.

Антонио Морено Толедо (Antonio Moreno Toledo), бывший секретарь-ассистент НКТ; Париж, 20.07.1960.

Хайме Нуаларт (Jaime Nualart), заведующий кадрами металлургической компании «Каса Ривьера»; Барселона, 23.08.1960.

Франсиско Олайя (Francisco Olaya), член Национального комитета «радикальной» фракции НКТ в эмиграции, бывший лидер НКТ в провинции Хаэн; Тулуза, 01.08.1960.

Мануэль Ортинес (Manuel Ortinez), советник-директор Торговой службы хлопчатобумажной промышленности; Барселона, 24.08.1960.

Хосе Пастор (José Pastor), лидер «радикальной» фракции НКТ в эмиграции, бывший матрос республиканского флота; Лимож, 14.08.1960.

Франсиско Педра (Francisco Pedra), во время войны секретарь профсоюза стеклоделов Барселоны НКТ; Барселона, 10.07.1984.

Хосе Пейратс (José Peirats), историк испанского анархизма; Тулуза, 01.08.1960.

Хуан Перес (Juan Pérez), пресс-секретарь «реформистской» фракции НКТ в Валенсии; Валенсия, 24.07.1984.

Альберт Перес Баро (Albert Pérez Baró), бывший секретарь Комиссии по применению Декрета о коллективизации; Барселона, 20.07.1984.

Падре Мигель Перес де Эредия (Miguel Pérez de Heredia), советник «Католической рабочей молодёжи»; Бильбао, 20.11.1951.

Хуан Пинтадо (Juan Pintado), член Национального комитета «радикальной» фракции НКТ в эмиграции; Тулуза, 01.08.1960.

Луис Портела (Luis Portela), во время войны лидер ПОУМ в Валенсии; Барселона, 21.08.1960.

Габриэль Прадаль (Gabriel Pradal), редактор эмигрантской социалистической газеты «El Socialista»; Тулуза, 04.08.1960.

Сеньор Рамирес (Ramírez), бывший командир батальона НКТ «Малатеста» в Стране Басков и Астурии; Тулуза, 07.08.1960.

А. Роа (A. Roa), во время войны лидер «Либертарной молодёжи» в Каталонии; Лондон, 13.09.1960.

Мельчор Родригес (Melchor Rodríguez), бывший лидер НКТ, бывший генеральный директор тюрем Мадрида; Мадрид, 30.08.1960.

Рафаэль Родригес Дельгадо (Rafael Rodríguez Delgado), испанец, сотрудник ООН; Нью-Йорк, 23.05.1963.

Альфонсо Родригес Лафонт (Alfonso Rodríguez Lafont), технический директор АО «Сангра»; Барселона, 22.11.1951.

Хосе Роче (José Roige), во время войны председатель сельскохозяйственного коллектива Оспиталета (Каталония); Барселона, 20.08.1960.

Франсиско Ромеро (Francisco Romero), административный секретарь «умеренной» фракции НКТ в эмиграции, бывший майор республиканской армии; Тулуза, 02.08.1960.

Рамон Рубио Наваррете (Ramón Rubio Navarrete), директор текстильной фабрики «Альмасенес Симеон»; Барселона, 25.11.1951.

Мануэль Салас (Manuel Salas), бывший солдат 25-й дивизии; Барселона, 12 и 16.07.1984.

Сеньор Санчес (Sánchez), делегат конгресса «радикальной» фракции НКТ в эмиграции, бывший ученик школы сельскохозяйственного коллектива Торреагуэры в провинции Мурсия; Лимож, 13.08.1960.

Хосе Санчес (José Sánchez), бывший член Революционно-военного комитета Валенсии НКТ; Тулуза, 05.08.1960.

Энрике Сантамарина (Enrique Santamarina), профессор Ратгерского университета, военнослужащий армии Франко во время Гражданской войны; Нью-Брансуик (Нью-Джерси), 01.01.1988.

Фульхенсио Санудо (Fulgencio Sanudo), подпольный лидер НКТ, член городского совета Мадрида во время Гражданской войны; Мадрид, 29.08.1960.

Рикардо Санс (Ricardo Sanz), бывший командующий 26-й дивизией (колонной Дуррути); Тулуза, 06.08.1960.

Рафаэль Сарда (Rafael Sarda), аграрный секретарь ПОУМ во время Гражданской войны; Барселона, 11.07.1984.

Либерто Саррау (Liberto Sarrau), лидер «радикальной» фракции НКТ в эмиграции; Париж, 21.07.1960.

Хуан Сеги (Juan Seguí, псевдоним), бывший член сельскохозяйственного коллектива Бальобар-дель-Синки (Арагон); Лимож, 13.08.1960.

Габриэль Сесма (Gabriel Sesma), председатель Федерации трудящихся-металлургов Каталонии во время Гражданской войны; Тулуза, 15.08.1960.

Вилебальдо Солано (Wilebaldo Solano), лидер ПОУМ в эмиграции; Фонтене-су-Буа, 19.07.1960.

Висенте Солер (Vicente Soler), бывший секретарь НКТ в Фигерасе (Каталония); Перпиньян, 04.09.1960.

Франсиско Субирате (Francisco Subirate), бывший солдат 26-й дивизии; Тулуза, 02.08.1984.

Хосе Торренте (José Torrente), эмигрантский социалистический лидер, ветеран республиканской разведки; Тулуза, 01.08.1960.

Рамон Триас Фаргас (Ramón Trías Fargas), профессор экономики в юридической школе Барселонского университета; Барселона, 19.08.1960.

А. Варгас (A. Vargas), лидер «радикальной» фракции НКТ в эмиграции, бывший член контрольного комитета рыболовного коллектива Адры в провинции Альмерия; Лимож, 14.08.1960.

Хуан Васкес (Juan Vázquez), бывший член секционного контрольного комитета железнодорожной федерации Каталонии НКТ, член Национального комитета «радикальной» фракции НКТ в эмиграции; Тулуза, 01.08.1960.

Хосе Вергара (José Vergara), начальник службы статистики Министерства сельского хозяйства, бывший сотрудник Института аграрной реформы; Мадрид, 30.10.1951.

Эмилио Вивас (Emilio Vivas), редактор «España Libre», органа «умеренной» фракции НКТ в эмиграции, во время войны редактор газеты «Fragua Social» в Валенсии; Тулуза, 03.08.1960.

Указатель политических и профессиональных организаций

БНД — «Баскское националистическое действие» (исп. Acción Nacionalista Vasca, баск. Eusko Abertzale Ekintza). Левонационалистическая партия. Образовано в 1930 г., запрещено в 2008 г.

БНП — Баскская националистическая партия (исп. Partido Nacionalista Vasco, баск. Euzko Alderdi Jeltzalea). Образована в 1895 г. Несмотря на христианско-демократическую ориентацию, во время Гражданской войны сотрудничала с организациями Народного фронта; занимала ведущие позиции во Временном правительстве Страны Басков (1936–1937).

БРС — Баскская рабочая солидарность (исп. Solidaridad de Trabajadores Vascos, баск. Eusko Langileen Alkartasuna). Профсоюзная организация, находящаяся под влиянием БНП. Действует с 1911 г.

ВКТ — Всеобщая конфедерация труда (фр. Confédération générale du travail, порт. Confederação Geral do Trabalho). 1) Французское профессиональное объединение, созданное в 1895 г. До Первой мировой войны придерживалась идеологии и тактики революционного синдикализма; к концу 1930-х гг. находилась под влиянием социал-демократов и коммунистов. 2) Португальское анархо-синдикалистское профессиональное объединение. Образована в 1919 г.; в 1933 г. была запрещена режимом Салазара, окончательно прекратила деятельность в конце 1930-х гг.

ВСРСК — Всеобщий союз рабочих синдикатов Каталонии (кат. Unió General de Sindicats Obrers de Catalunya). Профессиональное объединение, связанное с ССК. Отделился от ВСТ в 1934 г., вновь вошел в его состав в 1936 г.

ВСТ — Всеобщий союз трудящихся (исп. Unión General de Trabajadores, разг. ухэтисты). Профсоюзное объединение, основанное в 1888 г. На протяжении своей истории находился преимущественно под влиянием ИСРП, но также включал сторонников других левых партий и течений.

ИВС — Испанский военный союз (исп. Unión Militar Española). Тайная антиреспубликанская организация испанских офицеров. Был создан в 1933 г., играл важнейшую роль в подготовке попытки государственного переворота в 1936 г., положившей начало

Гражданской войне.

ИРМ — «Индустриальные рабочие мира» (англ. Industrial Workers of the World). Международное леворадикальное профсоюзное объединение, созданное в 1905 г. и по своей программе близкое к синдикализму. Основные организации действуют в США и других англоязычных странах.

ИРФ — Испанская региональная федерация (исп. Federación Regional Española). Испанская секция МТР, созданная в 1870 г. и поддерживавшая антиавторитарную фракцию Интернационала. С 1874 г. действовала подпольно; в 1881 г. была преобразована в ФТИР.

ИСРП — Испанская социалистическая рабочая партия (исп. Partido Socialista Obrero Español). Социал-демократическая партия. Основана в 1879 г.; во время Гражданской войны являлась ведущей силой Народного фронта и возглавляла правительство Испанской республики, но была ослаблена межфракционной борьбой.

ИСЭ — «Левые коммунисты Испании» (исп. Izquierda Comunista de España). Троцкистская партия. Были образованы в 1932 г.; позднее вошли в состав ПОУМ, за исключением незначительного меньшинства, образовавшего Секцию большевиков-ленинцев (исп. Sección Bolchevique-Leninista).

КАДСИ — Автономистский центр служащих торговли и промышленности (кат. Centre Autonomista de Dependents del Comerç i de la Indústria). Каталонское профессиональное объединение служащих, занимающее левонационалистические позиции. Создан в 1903 г.; в период Второй республики поддерживал ЭРК и КПП; в 1936–1939 гг. входил в состав ВСТ, сохраняя свою внутреннюю структуру.

КЛ — Каталонская лига (кат. Lliga Catalana). Партия правых каталонских националистов. Образована в 1901 г. как Регионалистская лига (кат. Lliga Regionalista); в 1933 г. сменила название; после начала Гражданской войны подверглась репрессиям со стороны республиканского правительства и распалась.

КМИ — Коммунистическая молодёжь Иберии (исп. Juventud Comunista Ibérica). Молодёжная организация ПОУМ.

Коминтерн — Третий, или Коммунистический, Интернационал (англ. Communist International, исп. Internacional Comunista). Международное объединение коммунистических партий марксистско-ленинской, затем сталинской тенденции. Создан в 1919 г., распущен в 1943 г.

КПИ — Коммунистическая партия Испании (исп. Partido Comunista de España). Основана в 1921 г. Входила в Коминтерн; во время Гражданской войны была одной из главных сил Народного фронта, участвовала в правительствах Ф. Ларго Кабальеро и Х. Негрина.

КПП — Каталонская пролетарская партия (исп. Partido Catalán Proletario, кат. Partit Català Proletari). Националистическая каталонистская партия коммунистического толка. Откололась от «Эстат Кatala» в 1932 г.; вошла в состав ОСПК в 1936 г.

КРД — «Каталонское республиканское действие» (кат. Acció Catalana Republicana). Националистическая каталонистская партия левореспубликанского толка. Существовало в 1922–1939 гг.

ЛД — Либертарное движение (исп. Movimiento Libertario). Обобщённое название анархо-синдикалистских организаций (НКТ, ФАИ и ФИХЛ), создавших ряд координирующих органов в Испании и за границей в 1938–1939 гг.

ЛМ — «Либертарная молодёжь» (исп. Juventudes Libertarias). Название молодёжной анархо-синдикалистской организации 1930-х гг. в Каталонии; также использовалось как альтернативное название ФИХЛ.

Лондонское бюро — Международное бюро революционного социалистического единства (англ. International Bureau of Revolutionary Socialist Unity, исп. Buró Internacional de Unidad Socialista Revolucionaria), или Трёхсполовинный Интернационал. Международная политическая организация, объединявшая левых социалистов и коммунистов-оппозиционеров. Действовало под разными названиями в 1932–1940 гг.

ЛР — «Левые республиканцы» (исп. Izquierda Republicana). Республиканская партия, образованная в 1934 г. Являлись инициаторами создания Народного фронта и одной из его главных сил; возглавляли правительство Испанской республики в феврале – сентябре 1936 г., в дальнейшем участвовали в правительствах Ф. Ларго Кабальеро и Х. Негрина; в 1959 г. объединились с РС и ФРП, образовав партию «Испанское демократическое республиканское действие» (исп. Acción Republicana Democrática Española).

МАТ — Международная ассоциация трудящихся (англ. International Workingmen's Association, позднее ...Workers Association, исп. Asociación Internacional de Trabajadores, позднее ...de los Trabajadores). Международное анархо-синдикалистское профессиональное объединение. Создана в 1922 г.

МНСЛ — Молодёжная народная социалистическая лига (англ. Young People's Socialist League). Молодёжная организация СПА, существовавшая в 1907–1972 гг.

МТР — Международное товарищество рабочих (англ. International Working Men's Association, исп. Asociación Internacional de Trabajadores), или Первый Интернационал. Международная социалистическая организация, созданная в 1864 г. Вследствие внутренних противоречий в 1872 г. раскололся на марксистский и антиавторитарный Интернационал, первый из которых был распущен в 1876 г., а второй фактически распался после 1877 г.

МФП — Международная федерация профсоюзов (англ. International Federation of Trade Unions, исп. Federación Sindical Internacional), или Амстердамский Интернационал. Объединение профсоюзов социал-демократической ориентации. Действовала в 1919–1945 гг.

НКАК — Национальная католическая аграрная конфедерация (исп. Confederación Nacional Católico-Agraria). Консервативная крестьянская организация, действовала в 1917–1940 гг.

НКТ — Национальная конфедерация труда (исп. Confederación Nacional del Trabajo, разг. сэнэтисты). Объединение профессиональных союзов анархо-синдикалистской ориентации, созданное в 1910 г. Была одной из крупнейших профессиональных организаций страны в 1930-е гг.; во время Гражданской войны являлась одной из главных сил Народного фронта (хотя официально вступила в него лишь в марте 1938 г.), играла важную роль в местных и региональных революционных органах (и во многих случаях руководила их работой), позднее участвовала в правительстве автономной Каталонии (с сентября 1936 г. по июнь 1937 г.) и республиканских правительствах Ф. Ларго Кабальеро и Х. Негрина; в эмиграции и постфранкистскую эпоху пережила ряд расколов.

НОФ — национальные отраслевые федерации (исп. federaciones nacionales de industria). Отраслевые объединения профсоюзов в составе НКТ. В период Второй республики и Гражданской войны были образованы национальные федерации крестьян и производителей продовольствия (исп. Federación Nacional de Campesinos y de las Industrias de la Alimentación), чёрной металлургии (исп. Federación Nacional de las Industrias Sidero-Metalúrgicas), железнодорожной отрасли (исп. Federación Nacional de la Industria Ferroviaria) и другие.

НРП — Независимая рабочая партия (англ. Independent Labour Party). Левосоциалистическая партия Великобритании, существовавшая в 1893–1975 гг.; входила в Лондонское бюро.

НФ — Народный фронт (исп. Frente Popular). Коалиция республиканских, левых и регионалистских партий, образованная в конце 1935 г. Принял свою программу в январе 1936 г.; в следующем месяце, одержав победу на выборах, сформировал правительство Испанской республики. Во время Гражданской войны включил в свой состав все политические и профсоюзные организации сторонников Республики и стал называться Антифашистским народным фронтом (исп. Frente Popular Antifascista); после поражения в войне прекратил свою деятельность.

НФЗ — Национальная федерация земледельцев (исп. Federación Nacional de Trabajadores de la Tierra). Союз крестьян и сельскохозяйственных рабочих в составе ВСТ. Действовала с 1930 г. под разными названиями; в 2001 г. была преобразована в Агропродовольственную федерацию (FTA-UGT), которая в 2016 г. году вошла в Федерацию промышленности, строительства и сельского хозяйства (FICA-UGT).

ОС — «Оппозиционные синдикаты» (исп. Sindicatos de la Oposición). Профессиональное объединение, находившееся под влиянием умеренных анархо-синдикалистов (трейнтистов). Созданы в 1933 г., воссоединились с НКТ в 1936 г.

ОСМ — «Объединённая социалистическая молодёжь» (исп. Juventudes Socialistas Unificadas). Объединённая молодёжная организация КПИ и ИСРП, образованная в 1936 г. Социалисты вышли из её состава в 1945 г., однако название продолжало использоваться до 1961 г.

ОСПК — Объединённая социалистическая партия Каталонии (исп. Partido Socialista Unificado de Cataluña, кат. Partit Socialista Unificat de Catalunya). Образована в 1936 г. в результате слияния каталонских организаций КПИ и ИСРП, ССК, КПП и меньшинства РКБ; входила в Коминтерн (с 1939 г. на правах секции). Участвовала в правительстве автономной

Каталонии (Хенералидаде) с сентября 1936 г. по февраль 1939 г.; после падения режима Франко трансформировалась в экосоциалистическую партию и стала называться «Инициатива за Каталонию» (кат. *Iniciativa per Catalunya*).

ПОУМ — Рабочая партия марксистского единства (исп. *Partido Obrero de Unificación Marxista*). Антисталинская коммунистическая партия, созданная в 1935 г. в результате объединения РКБ и ИСЭ; входила в Лондонское бюро; в 1937–1938 гг. подверглась репрессиям со стороны республиканского правительства и агентов НКВД в Испании. Окончательно прекратила свою деятельность в 1980 г.

Профинтерн — Красный интернационал профсоюзов (англ. *Red International of Labor Unions*, исп. *Internacional Sindical Roja*). Международное объединение прокоммунистических профсоюзов. Создан в 1921 г., распущен в 1937 г.

ПУРА — Партия автономистского республиканского союза (исп. *Partido de Unión Republicana Autonomista*, кат. *Partit d'Unió Republicana Autonomista*). Валенсийская республиканская партия. Образована в 1908 г., по программе была близка к РРП, но в отличие от неё выступала за региональную автономию; прекратила свою деятельность после начала Гражданской войны.

РАВС — Республиканский антифашистский военный союз (исп. *Unión Militar Republicana Antifascista*). Организация испанских офицеров, разделявших республиканские и левые взгляды. Действовал в 1934–1939 гг.

РКБ — Рабоче-крестьянский блок (исп. *Bloque Obrero y Campesino*). Коммунистическая партия, состоявшая из представителей «правой оппозиции» и действовавшая преимущественно в Каталонии и Валенсии. Был образован в 1931 г.; позднее большинство блока вошло в состав ПОУМ, меньшинство – в состав ОСПК.

РКТ — региональные конфедерации труда (исп. *confederaciones regionales del trabajo*). Региональные профсоюзные объединения в составе НКТ. Первоначально, в соответствии с решением конгресса 1919 г., предполагалось создать семь региональных конфедераций, к началу Гражданской войны их было десять: Андалусии, Эстремадуры и Африки; Арагона, Риохи и Наварры; Астурии, Леона и Паленсии; Балеарских островов; Галисии; Каталонии; Канарских островов; Леванта; Севера; Центра.

РРП — Радикальная республиканская партия (исп. *Partido Republicano Radical*). Была образована в 1908 г. и первоначально занимала левоцентристские позиции; после провозглашения Второй республики пошла на сближение с консервативными и монархическими элементами; потерпев поражение на выборах 1936 г., перестала играть какую-либо политическую роль.

РС — Республиканский союз (исп. *Unión Republicana*). Республиканская партия, образованная в 1934 г. Во время Гражданской войны являлся одной из влиятельных сил Народного фронта, участвовал в правительстве Испанской республики; по программе был близок к ЛР, с которыми объединился в 1959 г.

РСВКТ — Революционно-синдикалистская всеобщая конфедерация труда (фр. Confédération générale du travail – Syndicaliste révolutionnaire). Французское профессиональное объединение анархо-синдикалистской ориентации, действовавшее в 1926–1939 гг.

САК — Центральная организация шведских рабочих (швед. Sveriges Arbetares Centralorganisation). Анархо-синдикалистская профсоюзная организация. Образована в 1910 г.

«Свободные женщины» (исп. Mujeres Libres), или Национальная федерация свободных женщин (исп. Federación Nacional de Mujeres Libres). Анархо-феминистская организация, созданная в 1936 г.

СИА — «Международная антифашистская солидарность» (исп. Solidaridad Internacional Antifascista). Гуманитарная анархо-синдикалистская организация периода Гражданской войны и эмиграции.

Союз рабасайрес — Союз виноградарей и прочих земледельцев Каталонии (кат. Unió de Rabassaires i Altres Cultivadors del Camp de Catalunya). Союз крестьян-арендаторов, созданный в 1922 г. Активно поддерживал ЭРК в 1930-е гг.; являлся ведущей организацией Федерации сельскохозяйственных синдикатов Каталонии (кат. Federació de Sindicats Agrícoles de Catalunya), действовавшей в 1936–1939 гг.; прекратил свою деятельность в 1948 г.

СП — Синдикалистская партия (исп. Partido Sindicalista). Партия, образованная частью умеренных анархо-синдикалистов (трейнтистов) в 1934 г. в противовес ФАИ. Прекратила деятельность в 1985 г.

СПА — Социалистическая партия Америки (англ. Socialist Party of America). Политическая партия США, объединявшая представителей различных левых течений; действовала в 1901–1972 гг.

СРИ — Социалистический Рабочий Интернационал (англ. Labour and Socialist International, исп. Internacional Obrera y Socialista). Международное объединение социал-демократических партий, действовавшее в 1923–1940 гг.

ССК — Социалистический союз Каталонии (исп. Unió Socialista de Catalunya, кат. Unió Socialista de Catalunya). Националистическая каталонистская партия умеренно-социалистического толка. Откололся от ИСРП в 1923 г.; вошёл в состав ОСПК в 1936 г.

СЭДА — Испанская конфедерация независимых правых (исп. Confederación Española de Derechas Autónomas). Блок монархических и консервативных партий, действовавший в 1933–1937 гг.

УВКТ — Унитарная всеобщая конфедерация труда (исп. Confederación General del Trabajo Unitaria). Профсоюзное объединение, находившееся под влиянием КПИ. Образована в 1932 г., по влиянию заметно уступала ВСТ и НКТ; объединилась с ВСТ в 1935 г.

ФАИ — Федерация анархистов Иберии (исп. Federación Anarquista Ibérica). Политическая организация анархо-синдикалистов. Образована в 1927 г.

Фаланга — Испанская фаланга традиционалистов и комитетов национал-синдикалистского наступления (исп. Falange Española Tradicionalista y de las Juntas de Ofensiva Nacional Sindicalista). Образована в 1933 г. как небольшая фашистская группа; в 1937 г. была объединена с другими правыми организациями и стала единственной легальной партией франкистской Испании; распущена королевским декретом в 1977 г.

ФАУД — Свободный рабочий союз Германии (нем. Freie Arbeiter-Union Deutschlands). Анархо-синдикалистская профсоюзная организация. Образован в 1919 г., распался после 1933 г.

ФИХЛ — Иберийская федерация либертарной молодёжи (исп. Federación Ibérica de Juventudes Libertarias). Молодёжное анархо-синдикалистское движение. Образована в 1932 г.

ФОРЭ — Испанская региональная рабочая федерация (исп. Federación Obrera Regional Española). Второе название ИРФ.

ФОУС — Рабочая федерация синдикального единства (исп. Federación Obrera de Unidad Sindical). Профессиональное объединение, связанное с ПОУМ. Действовала в течение нескольких месяцев 1936 г., позднее основная масса её членов вошла в ВСТ.

ФРП — Федеральная республиканская партия (исп. Partido Republicano Federal). Левореспубликанская федералистская партия, образованная в 1930 г.; преемница Федеральной демократической республиканской партии (исп. Partido Republicano Democrático Federal), существовавшей в 1868–1912 гг. Делилась на несколько фракций; объединилась с ЛР в 1959 г.

ФТИР — Федерация трудящихся Испанского региона (исп. Federación de Trabajadores de la Región Española). Анархическая федерация, созданная в 1881 г. на базе ИРФ; в 1888 г. разделилась на Пакт союза и солидарности (исп. Pacto de Unión y Solidaridad) и Анархическую организацию Испанского региона (исп. Organización Anarquista de la Región Española), представлявшие, соответственно, профсоюзное и революционное крыло движения. В 1900 г. была предпринята попытка возродить организацию под названием Федерация обществ сопротивления Испанского региона (исп. Federación de Sociedades de Resistencia de la Región Española), однако спустя несколько лет она вновь распалась.

ФЭТТ — Испанская федерация земледельцев (исп. Federación Española de Trabajadores de la Tierra). Второе название НФЗ.

ЭРК — «Левые республиканцы Каталонии» (исп. Izquierda Republicana de Catalunya, кат. Esquerra Republicana de Catalunya). Партия, придерживающаяся принципов социального либерализма и каталонского национализма. Образованы в 1931 г.; формально руководили правительством автономной Каталонии (Хенералидадом) с марта 1936 г. по февраль 1939 г.

«Эстат Катала» — «Каталонское государство» (кат. Estat Català). Националистическая каталонистская партия. «Э.К.» был образован в 1922 г.; в 1931–1936 гг. входил в состав ЭРК; во время Гражданской войны боролся на стороне республиканцев, но выступал против

революционных преобразований и за провозглашение независимости Каталонии.